

Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийскаго края.

(Продолженіе ¹⁾).

ГЛАВА II.

Появленіе казаковъ на сѣверѣ Тихаго океана.—Экспедиція Беринга.—Открытіе Аляски, Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ.—Плаванія первыхъ русскихъ предпринимателей за пушнымъ товаромъ.—Шелеховъ и Голіковъ.—Взглядъ на ихъ дѣятельность Императрицы Екатерины II.—Учрежденіе «Россійско-Американской К^о» и ея монопольныя привилегіи.—Первоначальная дѣятельность К^о.—Резановъ въ качествѣ посла въ Японію и его распоряженія по колоніямъ.—Новоархангельскъ и Россѣ.—Одѣянка государственнаго значенія дѣятельности Р.-А. К^о.—Ея торговые обороты.—Казенные порты дальняго сѣверо-востока и ихъ нужды.—Стремленіе Р.-А. К^о перенести Охотскій военный портъ въ Аянъ.—Переносъ этого порта въ Петропавловскъ.—Амурскій вопросъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ.—Лаперузъ, Броутонъ и Крузенштернъ признаютъ Сахалинъ полуостровомъ.—Экспедиціи Гаврилова и Ахте.—Невельской и его приготовленія къ кругосвѣтному плаванію.—Покровительственное къ нему отношеніе князя Меншикова и Муравьева и враждебное со стороны нашей дипломатіи.—Наставленія Невельскому передъ отъѣздомъ.—Плаваніе «Байкала» до Петропавловска.—Инструкція Муравьева.—Петербургскія сферы и ихъ отношенія къ амурскому вопросу.—Учрежденіе Амурскаго комитета.—Попытки канцлера графа Нессельроде свести амурскій вопросъ къ нулю.—Окончательная инструкція Невельскому.—Стремленіе нашей дипломатіи придать экспедиціи на Амуръ характеръ частнаго предпріятія Р.-А. К^о.

На крайній востокъ Сибири, на побережье Тихаго океана, наша казацкая вольница проникла еще въ XVII вѣкѣ. Пionеромъ въ этомъ дѣлѣ явился бывший старшина донскаго войска—Дежневъ,

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 8.

впервые установившій въ 1668 году фактъ наличности пролива, нынѣ именуемаго Беринговымъ, но не оставившій достаточно основательнаго описанія своихъ открытій. Въ послѣднее десятилѣтїе того же вѣка отважные казаки Атласовъ и Морозко и боярскій сынъ Кобелевъ проникли на Камчатку и объявили этотъ полуостровъ владѣніемъ Россіи, а въ 1710 и 1712 годахъ сибирскою вольницею были заняты нѣкоторые Курильскіе и Шантарскіе острова. Въ концѣ царствованія Петра Великаго французская академія наукъ обратилась къ своему вѣнценосному члену, къ русскому Царю, съ просьбою снарядить экспедицію для изслѣдованія, соединяется ли Азія съ Америкой. Петръ избралъ для этого морского офицера Витуса Беринга, по происхожденію датчанина, вступившаго въ русскую службу въ 1704 году, и далъ ему собственноручно набросанную инструкцію. Берингъ направился въ путь за нѣсколько дней до кончины Великаго Монарха, сухимъ путемъ достигъ Охотска, перебрался на Камчатку, построилъ въ устьѣ рѣки Камчатки ботъ «Гавріиль» и въ 1728 году побывалъ въ проливѣ своего имени, послѣ чего вернулся въ Петербургъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны Берингъ вновь былъ отправленъ на крайній сѣверо-востокъ для открытія путей въ Японію и для занятія на материкѣ Сѣверной Америки пространствъ ближайшихъ къ Камчаткѣ. Построивъ въ Охотскѣ необходимыя суда, онъ пошелъ въ 1740 году въ Авачинскую губу, положилъ начало Петропавловску и въ слѣдующемъ году, совмѣстно съ Чириковымъ, поплылъ къ берегамъ Америки. Во время этого плаванія былъ открытъ рядъ новыхъ острововъ въ Курильской и Алеутской группахъ и острова Командорскіе, богатые драгоцѣнною пушшиной. Экспедиція эта, закончившаяся для Чирикова вполне благополучно, оказалась роковою для Беринга: больного, пораженнаго цынгой, капитанъ-командора выкинуло съ судномъ на пустынный тогда островъ, гдѣ знаменитый путешественникъ и нашелъ свою кончину. Остатки его экипажа вернулись на Камчатку; островъ же получилъ въ послѣдствіи названіе по имени почившаго на немъ начальника экспедиціи (островъ Берингъ группы Командорскихъ острововъ).

Открытія Беринга и Чирикова вскорѣ стали достояніемъ гласности, и свѣдѣнія о пушномъ богатствѣ острововъ Алеутскихъ и побережій Аляски проникли въ нашъ торговый міръ. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка сержантъ нижекамчатской команды Васовъ и матросъ Беринга Неводчиковъ, нѣсколько позднѣе Трапезниковъ, Глотовъ, Толстыхъ, Бечевинъ и другіе предпринимаютъ

рядъ экспедицій на новыя мѣста уже по порученію и на средства различныхъ торговыхъ людей. Однако, организація экспедицій по прежнему остается примитивной, и трудности приходится преодолевать огромныя. Къ отправнымъ прибрежнымъ пунктамъ приходилось доставлять всѣ матеріалы для постройки судовъ на мѣстѣ, какъ и всѣ припасы и всѣ предметы снаряженія судовъ и командъ, доставлять по странѣ пустынной, вовсе лишенной дорогъ; на мѣстѣ же или въ ближайшихъ районахъ Сибири вербовали судовыя команды, комплектуя ихъ бѣглыми преступниками и бродягами, вообще народомъ совершенно недисциплинированнымъ и въ огромномъ большинствѣ чуждымъ познаній въ морскомъ дѣлѣ, но за то отчаянно отважнымъ. Для плаванія обыкновенно строили такъ называемые «галіоты», но врядъ ли суда постройки невѣжественныхъ бродягъ и немногимъ болѣе искусныхъ самозванныхъ «капитановъ» были достойны носить это техническое названіе. По свидѣтельству капитана 2-го ранга Головина, совершившаго кругосвѣтное путешествіе въ 1807 г. и побывавшаго на Камчаткѣ, спутники знаменитаго Кука (1778 г.), повидавъ одинъ изъ такихъ «галіотовъ» у Алеутскихъ острововъ, «не мало удивлялись безразсудной дерзости людей, отваживающихся плыть океаномъ на столь слабо и нескладно составленной машинѣ». Другой нашъ морякъ, лейтенантъ Давыдовъ, плававшій въ Беринговомъ морѣ въ 1802—1803 годахъ, рассказываетъ по истинѣ изумительные эпизоды, приключавшіеся съ такими русскими мореходами при ихъ поискахъ «невѣдомыхъ земель» и пушного звѣря. Случай, одинъ только случай распоряжался ими властно и роковымъ образомъ. Безъ картъ, безъ инструментовъ, безъ какихъ либо познаній въ морскомъ дѣлѣ, носились они по океану, сами не зная, куда идутъ и какъ вернуться обратно. По звѣздамъ ночью и по блеску зари ориентировались они въ своихъ плаваніяхъ; нерѣдко ошибались при такой ориентировкѣ поразительно. Тамъ судно выкидывало волнами на берегъ—не то японскій, не то американскій по соображеніямъ «капитана»; оказывается его принесло въ окрестности Большерѣцка. Бывали случаи, когда у невѣдомаго острова «галіотъ» застигалъ жестокой штормъ; «капитанъ» тотчасъ же отдавалъ оба якоря, а самъ съ командою перебирался на берегъ; слабыя цѣпи не выдерживали напора волнъ, судно срывало и уносило въ море; казалось: гибель неизбѣжна; но по велѣніямъ неисповѣдимой судьбы и по заступничеству Николая Угодника, катастрофы зачастую избѣгали: стихнетъ вѣтеръ, разойдутся грозныя тучи, успокоится

море, проглянеть солнышко и освѣтитъ плавно качающійся неподалеку «галіотъ», вновь принесенный къ мѣсту, откуда волны умчали его за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Эти отчаянныя экспедиціи, громадное большинство ихъ, заканчивались вполнѣ благополучно: почти всѣ живы и здоровы, трюмы полны шкурами котика и бобра, «подъ высокодержавную руку» всероссійскихъ самодержиць подведена новая «невѣдомая земля».

Первая, болѣе или менѣе серьезная, попытка разобратся съ вопросомъ о нашихъ владѣніяхъ въ сѣверныхъ водахъ Великаго океана была произведена въ 1766 году. По представленію сибирскаго губернатора Чичерина и по повелѣнію Императрицы Екатерины II, капитаны Креницынъ и Левашовъ, уже на настоящихъ, военныхъ, галіотахъ были направлены на Алеутскіе острова и къ побережью Америки. Но эта экспедиція ничѣмъ существеннымъ не закончилась и не принесла въ результатѣ ничего положительнаго. Правительство же пока что этимъ удовлетворилось, и дальнѣйшая дѣятельность въ разсматриваемомъ районѣ вновь перешла въ руки частныхъ предпринимателей.

Изъ среды такихъ предпринимателей особенно выдѣлился предприимчивостью, смѣлостью и настойчивостью купецъ Григорій Шелеховъ, построившій и снарядившій въ Охотскѣ три «галіота» и самолично пустившійся въ плаваніе въ августѣ 1783 года. Онъ достигъ Алеутскихъ острововъ, занялъ одинъ изъ нихъ, именно островъ Кадьякъ, укрѣпился тамъ, объявилъ инородцамъ о принадлежности всѣхъ Алеутскихъ острововъ Россіи, побывалъ и на Аляскѣ. Вернувшись въ Сибирь съ богатымъ грузомъ пушнины, Шелеховъ задумалъ основать правильно организованное предпріятіе въ сѣверныхъ водахъ Тихаго океана, сошелся для этого съ богатымъ купцомъ Голиковымъ и возбудилъ въ Петербургѣ ходатайство о дарованіи новой комерческой компаніи ряда привилегій, въ ряду которыхъ наиболѣе существенными должны были явиться: выдача компаніи субсидіи въ 200,000 руб., утвержденіе за нею монопольныхъ правъ на эксплуатацію морскихъ промысловъ на Алеутскихъ островахъ и на побережьи Аляски и назначеніе въ распоряженіе предпринимателей воинской команды съ артилеріей. Ходатайство это было энергично поддержано сибирскимъ губернаторомъ Якоби и комерць-колегіей. Но мудрая Императрица Екатерина II взглянула на дѣло иначе: она не нашла просьбу Шелехова и Голикова отвѣчающей интересамъ государственнымъ и отказала какъ въ просимой монополіи, такъ и въ участіи правительства въ

частномъ дѣлѣ денежными средствами и военною силою. Съ другой стороны, поощрить энергичныхъ людей все-таки слѣдовало, но поощрить по возможности платонически. И вотъ въ указѣ 22-го сентября 1788 года по этому поводу читаемъ: ...«но въ вознагражденіе усердія помянутыхъ купцовъ, къ пользѣ государственной оказаннаго распространеніемъ открытія неизвѣстныхъ земель и народовъ и заведеніемъ съ ними торговыхъ промысловъ»—Императрица повелѣла даровать имъ серебряныя шпаги и медали, а также похвальныя грамоты изъ сената.

Конечно, серебряныя шпаги и похвальныя грамоты не удовлетворили практическихъ дѣятелей, имѣвшихъ въ виду лишь наживу. Они возбудили передъ правительствомъ цѣлый рядъ новыхъ ходатайствъ, искусно маскируя свои личныя потребности посылками на необходимость устроить новыя русскія владѣнія, закрѣпить ихъ за нами и обратить инородцевъ въ православную вѣру. Но и изъ этихъ ходатайствъ были удовлетворены лишь просьбы о назначеніи въ новый край мисіонеровъ да двадцати семей ссыльныхъ, преимущественно изъ мастеровыхъ, съ цѣлью обстройки колоній и оборудованія верфи на американскомъ берегу. И такая сдержанность правительства въ помощи предпринимателямъ была не напрасной: по свидѣтельству капитана 2-го ранга Головина, мисіонеровъ Шелеховъ бросилъ на произволъ судьбы непосредственно по ихъ появленіи въ районахъ дѣятельности компаніи, а мастеровыхъ заставилъ промышлять звѣря, сражаться съ инородцами и добывать себѣ пропитаніе кто какъ умѣлъ. Въ результатъ, къ 1818 году изъ поселенныхъ на новыхъ мѣстахъ подневольныхъ людей осталось въ живыхъ трое мужчинъ да одна женщина; прочіе погибли отъ гола и въ стычкахъ съ туземцами.

Направляя всѣ свои усилія къ повышенію доходности предпріятія и не брезгая никакими средствами, компанія Шелехова и Голікова достигла блестящихъ результатовъ: за періодъ времени до 1797 года она вывезла съ Алеутскихъ острововъ и Аляски пушнину на колоссальную по тому времени сумму въ 1.479,600 руб., колоссальную тѣмъ болѣе потому, что единичныя цѣны на мѣхъ стояли тогда на весьма низкомъ уровнѣ. Достаточно сказать, что въ этой добычѣ однихъ морскихъ бобровъ было 15,647 штукъ (по цѣнамъ 1906 г. въ Петропавловскѣ на сумму—13.161,715 руб.), а чернобурыхъ лисицъ, добываемыхъ нынѣ лишь единичными экземплярами да и то не каждый годъ—4,625. Естественно, что при такихъ итогахъ дѣятельности компаніи и при неутвержденіи за

нею правъ монополіи, нашлись и иные предприниматели, вступившіе въ конкуренцію съ Шелеховымъ. Но многіе изъ новыхъ конкурентовъ, вѣрнѣе почти всѣ, оказались не въ силахъ бороться съ богатымъ обществомъ, руководимымъ такимъ энергичнымъ хозяиномъ какъ Шелеховъ. Конкурентомъ дѣйствительнымъ и серьезнымъ явилась лишь «Американская К^о», образованная иркутскимъ купечествомъ, во главѣ которой сталъ купецъ Мыльниковъ — человекъ также отменной энергіи. Возникла борьба; борьба эта не предвѣщала ничего хорошаго; она была одинаково и крайне невыгодна обоимъ обществамъ; необходимъ былъ выходъ и такой нашелся: обѣ компаніи соединились въ 1797 году въ одну, именно въ знаменитую «Россійско-Американскую К^о».

Въ то время наши правительственныя сферы кореннымъ образомъ преобразовались; политика и внутренняя, и внѣшняя стала иною. Чего не могли добиться ни Шелеховъ, ни сибирская администрація при Екатеринѣ II, того добилась новая «Р.-А. К^о». 8-го іюля 1799 года она была принята «подъ непосредственное покровительство» Государя Императора, и ей были даны монопольныя права на промыслы «на матерой землѣ Сѣверо-Западной Америки, на островахъ Алеутскихъ и Курильскихъ и во всей части Сѣверо-Восточнаго моря». Указомъ же 27-го декабря того же года «Р.-А. К^о» предоставлено было на 20 лѣтъ: пользоваться въ районѣ ея дѣйствій всѣми дарами природы какъ на поверхности земли, такъ и въ ея нѣдрахъ, пользоваться всѣмъ, что «было ею отыскано и впредь отыщется», безъ всякаго со стороны другихъ на то притязанія; заводить гдѣ угодно и какія угодно поселенія и укрѣплять ихъ; торговать съ кѣмъ угодно и какъ угодно; пользоваться казеннымъ лѣсомъ, растущимъ по сѣвернымъ берегамъ Великаго океана; получать изъ казенныхъ складовъ порохъ и свинецъ по заготовительнымъ цѣнамъ и т. д. Эти привилегіи, почти безъ измѣненій, съ небольшимъ лишь ограниченіемъ правъ К^о въ отношеніи торговли съ Китаемъ, были подтверждены въ 1828 и въ 1841 годахъ.

«Р.-А К^о» была предпріятіемъ акціонернымъ. Первоначальный ея капиталъ, въ суммѣ 724,000 руб., былъ раздѣленъ на 724 акціи, а акціи распределены между учредителями; но уже въ 1799 году послѣдовало разрѣшеніе выпустить еще тысячу акцій «для желающихъ». К^о находилась подъ вѣдѣніемъ «главнаго правленія» въ Петербургѣ, имѣвшая свою «контору» въ Иркутскѣ. Въ числѣ акціонеровъ находилось весьма много лицъ чрезвычайно вліятельныхъ и исключительнаго общественнаго положенія. Предпріятіе

съ первыхъ же шаговъ пошло въ гору, какъ говорится—было искусственно взмылено, и подтвержденіемъ этому можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что уже черезъ годъ по учрежденіи К^о ея акціи въ 1000 руб. стоили 3,638 руб. 61¹/₄ коп. ¹⁾).

Непосредственно по организациі «Р.—А. К^о», мѣстные ея дѣятели различныхъ категорій начали систематично занимать Алеутскіе и Курильскіе острова и побережную полосу Аляски. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в. на американскомъ берегу имѣлось нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, а знаки съ русскими государственными гербами были установлены на значительномъ протяженіи территоріи Новаго Свѣта. Въ 1799 году главный уполномоченный компаніи Барановъ, совершавшій плаваніе у береговъ Америки на галіотѣ «Ольга», занялъ въ архипелагѣ Георга III островъ Ситху, расположенный неподалеку отъ корня полуострова Аляски. Избравъ на этомъ островѣ весьма удобную гавань, почти всегда свободную отъ льдовъ, онъ основалъ въ ней «крѣпость» св. Архистратига Михаила и намѣревался обратить таковую въ базу компанейскихъ предпріятій. Но расчеты Баранова не оправдались: туземное инородческое населеніе, съ которымъ дѣятели «Р.—А. К^о» не церемонились и которое они эксплуатировали всякими способами, населеніе, не чуждое воинственности, вырѣзало въ 1802 году весь гарнизонъ новой «крѣпости», а всѣ сооруженія смело съ лица земли.

Между тѣмъ, петербургское правленіе К^о рѣшило снарядить кругосвѣтную экспедицію, главною цѣлью которой явилось устройство и снабженіе колоній. То была первая морская экспедиція въ ряду многочисленныхъ позднѣйшихъ того же характера. Вообще на этихъ экспедиціяхъ я останавливаться не намѣренъ; это заставило бы меня слишкомъ углубиться въ исторію «Р.—А. К^о» и вывело бы изъ рамокъ задачи—ознакомить читателей только съ главнѣйшими этапами исторической жизни пресловутаго предпріятія. Но о первой кругосвѣтной экспедиціи сказать нѣсколько словъ необходимо.

Задумавъ направить на крайній сѣверо-востокъ морскую экспедицію, правленіе «Р.—А. К^о» добилось содѣйствія въ этомъ дѣлѣ со

¹⁾ I Полн. Собр. Зак., №№ 16.709, 17.171, 18.076, 19.030, 19.233, 19.611, 28.756; II Полн. Собр. Зак., №№ 2.452, 14.324; «Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана», т. I—записка кап. 2 ранга Головина, стр. 50—54 и т. IV—записка лейт. Давыдова, стр. 60, 61 и прилож. В; II. Тихменевъ «Историческое обозрѣніе Р. А. К^о», Сиб., 1861 г. стр. 2—5, 7—23; Назаровъ, стр. 20; Словоцовъ, стр. 239; Невельской, стр. 23—25.

стороны правительства и широко воспользовалось таковымъ. Въ распоряженіе правленія было предоставлено 14 морскихъ офицеровъ, въ ихъ числѣ капитаны Крузенштернъ и Лисянскій, 3 доктора и 93 матроса военного флота. Правленіе рѣшило приобрести суда за границей и тамъ же оборудовать ихъ для плаванія. Въ 1803 году Лисянскій купилъ въ Англіи два корабля: одинъ—водоизмѣщеніемъ въ 430 тоннъ, вооруженный 16 пушками, другой—въ 373 тоны съ 14-ю орудіями; первый былъ названъ «Надежда», второй—«Нева»; корабли, по отзывамъ нашихъ моряковъ, были неважные; приобрести такія суда за границей не стоило. Командиромъ «Надежды» и начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Крузенштернъ; «Невою» командовалъ Лисянскій. Съ ними же направился въ плаваніе главный распорядитель «Р.-А К^о» Резановъ, облеченный званіемъ чрезвычайнаго російскаго посланника и получившій по этому званію извѣстныя полномочія для установленія сношеній съ Японіей и Китаемъ.

Экспедиція двинулась въ путь въ концѣ іюля 1803 года; курсъ мимо мыса Горна на Камчатку. Прибывъ на мѣсто въ началѣ навигаціи 1804 года, Резановъ энергично приступилъ къ одной изъ важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ въ его глазахъ, задачъ своей коммерческой мисіи — къ открытію и снабженію товарами китайскихъ лавокъ въ Охотскѣ и на Камчаткѣ. Исторіографъ «Р.-А. К^о» Тихменевъ, все сочиненіе котораго является чуть ли не сплошнымъ восхваленіемъ дѣятелей этой К^о, свидѣтельствуетъ, будто сказанною мѣрою Резановъ убилъ двухъ зайцевъ: доставилъ выгоды своимъ довѣрителямъ и облагодѣтельствовалъ край, избавивъ его населеніе отъ эксплуатаціи со стороны «нѣсколькихъ (?) монополистовъ», торговавшихъ подобными же товарами по произвольнымъ цѣнамъ. Но Головинъ, лично ознакомившійся съ дѣломъ на мѣстѣ, говоритъ совсѣмъ другимъ языкомъ. Онъ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ монополизацию торговли европейскими товарами преслѣдовалъ именно самъ Резановъ; а расчетъ его былъ простъ и на первый взглядъ безошибоченъ: привезя въ край товары моремъ, по фрахту несравненно болѣе дешевому, чѣмъ доставались таковыя мѣстнымъ мелкимъ купцамъ, получавшимъ грузы сухимъ путемъ черезъ Иркутскъ и Якутскъ, Резановъ могъ сильно сбить цѣны, относительно безубыточно для «Р.-А. К^о», и тѣмъ зарѣзать своихъ конкурентовъ. Однако, на практикѣ вышло нѣчто неожиданное: остроумно рассчитавъ, что «Р.-А. К^о» не можетъ регулярно пополнять свои запасы, мѣстные купцы сразу скупили по дешевой цѣнѣ весь при-

везенный товаръ и стали продавать его по старому, лишь съ большею для себя выгодною. Афера Резанова потерѣла полное фіаско.

Лѣтомъ того же 1804 года «Нева» пошла къ острову Ситхъ, а за нею туда же направился и Барановъ съ четырьмя судами мѣстной постройки, со значительнымъ числомъ колонистовъ, съ запасомъ орудій, боевыхъ и жизненныхъ припасовъ. Туземцы встрѣтили пришельцевъ явно враждебно, и островъ пришлось занимать съ боя. На мѣстѣ разрушенной крѣпости соорудили новую и нарекли ее Новоархангельскомъ. Крѣпость вооружили 11-ю пушками и и сдѣлали ее, по обстановкѣ того времени, дѣйствительно могущественною, чѣмъ первоначальная мысль была осуществлена полностью: «Р.-А. К^о» получила у американскихъ береговъ прочную базу, просуществовавшую до конца ея дѣятельности. Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, отмѣчу тутъ же, что Новоархангельскъ съ теченіемъ времени все совершенствовался и совершенствовался. По отчету капитана Литке о плаваніи его въ 1826—1829 годахъ на шлюпѣ «Сенявинъ», Новоархангельскъ представлялъ тогда крѣпкую, возведенную на возвышенномъ каменному мысу, цитадель съ башнями и батареями на 32 орудія; у подножія цитадели лежалъ значительный поселокъ, весь окруженный прочнымъ палисадомъ, приспособленнымъ къ ружейной оборонѣ; тутъ же имѣлись элинги и мастерскія для постройки и исправленія судовъ; къ порту было приписано около 15 судовъ, водоизмѣщеніемъ отъ 60 до 350 тоннъ, содержавшихъ сообщеніе между колоніями и Охотскомъ; судами командовали флотскіе офицеры, поддерживавшіе въ командахъ стройный порядокъ и дисциплину; жителей въ Новоархангельскѣ насчитывалось 800 человекъ, изъ нихъ 300 русскихъ. Къ пятидесятымъ же годамъ прошлаго вѣка вооруженіе Новоархангельска достигало 147 орудій, въ числѣ коихъ имѣлись даже такія сильныя по тому времени пушки, какъ двухпудовыя бомбическія.

Возвращаясь къ дѣятельности на дальнемъ сѣверо-востокѣ Резанова, слѣдуетъ отмѣтить его стремленія завязать сношенія съ Калифорніей съ цѣлью полученія изъ этой страны провіанта для колоній «Р.-А. К^о». Для этого онъ направился въ 1806 году на компанейскомъ кораблѣ «Юнона» въ Санъ-Франциско и вступилъ въ переговоры съ мѣстнымъ губернаторомъ, доказывая обоюдную выгоду осуществленія его мысли. Но губернаторъ Калифорніи отъ предложенія Резанова уклонился и порекомендовалъ ему обратиться съ таковымъ непосредственно въ метрополию, т. е. въ Испанію. Все, что удалось главному правителю «Р.-А. К^о»—

это получить въ Санъ-Франциско грузъ хлѣба на текущую потребность колоній, получить таковой какъ бы въ видѣ приданнаго при обрученіи его съ дочкою санъ-францискаго коменданта.

Не болѣе продуктивна была и дипломатическая мисія Резанова. Его путешествіе на кораблѣ «Надежда» въ Нагасаки, совершенное въ 1805 году, завершилось полнымъ неуспѣхомъ: японцы не только не приняли отъ него официальнаго «листа» нашего правительства, но не приняли даже привезенныхъ подарковъ. Въ отомщеніе за такой афронтъ, Резановъ организовалъ нѣчто вродѣ карательной экспедиціи на Сахалинъ, надолго испортивъ тѣмъ наши отношенія съ Японіей. Подробности этой экспедиціи будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Взоры дѣятелей «Р-А. К°» на Калифорнію, въ особенности на районы ея, фактически испанцами не занятые, не были отвлечены отъѣздомъ на родину Резанова. Богатство этихъ раіоновъ бобромъ и другимъ пушнымъ звѣремъ, а также виды на возможность процвѣтанія тамъ земледѣлія и снабженія оттуда колоній провіантомъ, побудили одного изъ приказчиковъ К°, нѣкого Кускова, предпринять въ 1811 году экспедицію въ Новый Альбіонъ—никому не принадлежавшую часть Калифорніи, окрещенную этимъ именемъ мореплавателемъ Дракомъ. Кусковъ направился въ плаваніе изъ Новоархангельска на шхунѣ «Чириковъ» съ командою въ 95 человекъ русскихъ и съ 40 алеутами, совершившими путь на байдаркахъ. Прибывъ на мѣсто, онъ основалъ въ 1812 году, съ согласія мѣстнаго населенія, крѣпостцу Россъ по близости отъ залива Бодего (портъ Румянцева), нѣсколько сѣвернѣе рѣки Ріо де Санъ Себастьянъ, прозванной тогда же Славянкою. Крѣпостцѣ придали четырехугольную форму, обнесли ее толстымъ и высокимъ палисадомъ и вооружили 13 пушками. Въ окрестностяхъ устроили нѣсколько фермъ, завели хлѣбопашество и занялись скотоводствомъ. Хлѣбопашество далеко не оправдало надеждъ и во всякомъ случаѣ шло несравненно хуже, чѣмъ скотоводство, но все же новая крѣпостца извѣстную роль сыграла, и роль эта заключалась въ установленіи сношеній съ болѣе южными и болѣе культурными частями Калифорніи, откуда повременно удавалось получать запасы провіанта для колоній. Повременно—по той причинѣ, что дѣлу этому энергично препятствовали испанскія власти, опасавшіяся покушенія со стороны Росса ва Санъ-Франциско. Съ теченіемъ времени, не смотря на то, что ощутительно никто не претендовалъ на водвореніе русскихъ въ Новомъ Альбіонѣ даже послѣ объявленія въ

1818 году независимости Калифорніи и послѣ занятія ея инсургентами, значеніе Росса для колоній, по причинамъ плохо выясненнымъ, все падало и падало, что и привело въ концѣ концовъ «Р.-А. К^о» къ рѣшенію продать эти владѣнія за тридцать серебрянниковъ: въ 1841 году крѣпость, фермы, стада рогатаго скота и табуны лошадей были уступлены за 160,000 франковъ американскому гражданину Сутору.

Въ 1814—1815 гг. «Р.-А. К^о» временно овладѣла однимъ изъ Сандвичевыхъ острововъ. Тамъ развѣвался русскій флагъ и стояли наши пушки. Но король острововъ Камсамеа вскорѣ заставилъ К^о убраться во свояси.

Преслѣдуя исключительно цѣли комерческія, «Р.-А. К^о» въ этомъ отношеніи достигла результатовъ весьма почтенныхъ. Ежегодно вывозилось въ Европу огромное количество пушнины и другихъ товаровъ, при чемъ первое время конечно преобладала пушнина. За промежутокъ времени съ 1798 по 1822 гг. К^о вывезла 86,644 шкуры морскихъ бобровъ (по нынѣшнимъ цѣнамъ на мѣстѣ на сумму около 75 мил. руб.) и 15,112 чернобурыхъ лисицъ, не считая другихъ менѣе цѣнныхъ мѣховъ. Въ болѣе поздній періодъ первенствующую по цѣнности и доходности роль началъ играть чай: за 1821—1841 гг. одного этого продукта было вывезено на сумму свыше 9 мил. руб. сер. [Но комерческіе обороты К^о ни въ какомъ отношеніи не знаменовали общегосударственнаго значенія ея дѣятельности.

Пользуясь удивительными льготами и всяческимъ содѣйствіемъ со стороны правительства, не останавливавшася передъ предоставленіемъ въ ея распоряженіе морскихъ офицеровъ и командъ, что сдѣлала «Р.-А. К^о» добраго и полезнаго въ области служенія прямымъ и насущнымъ нуждамъ благодѣтельствовавшаго ее правительства? Рѣшительно ничего! Въ первую половину своего существованія К^о лишь однажды пошла настрѣчу нуждамъ правительства, добровольно обязавшись въ 1820 году снабжать на своихъ судахъ казенныя учрежденія Охотска и Камчатки. Но эта услужливость была насквозь пропитана коварствомъ. Она совпала по времени съ предложеніями иностранныхъ фирмъ принять на себя ту же обязанность подъ условіемъ разрѣшенія имъ производить нѣкоторыя промыслы въ нашихъ сѣверныхъ водахъ, съ предложеніями, которыя могли нарушить цѣлокупность монополіи «Р.-А. К^о» и которыя были ей крайне невыгодны. Устранивъ же конкурентовъ и отбивъ у иностранцевъ охоту вновь предлагать свои услу-

ги, другими словами *устроившись* въ этомъ дѣлѣ, «Р.-А. К^о» тотчасъ же перемѣнила тактику, начала всѣми мѣрами добиваться, а вскорѣ и добилась освобожденія ея отъ сказанной обязанности. Въ позднѣйшее время правительство уже само стало требовать отъ К^о участія въ дѣлѣ служенія казеннымъ интересамъ. Но, какъ увидимъ, К^о неукоснительно стремилась либо устранить отъ такого участія, либо выговорить себѣ за грошевыя услуги тысячныя вознагражденія. Что же касается былой дѣятельности К^о въ отношеніи общегосударственныхъ интересовъ высшаго порядка, то для характеристики такой дѣятельности достаточно сослаться хотя бы на свидѣтельства капитана 2-го ранга Головина—лица, безспорно компетентнаго, никакихъ служебныхъ или имущественныхъ отношеній къ К^о не имѣвшато и повидимому не бывшаго заинтересованнымъ въ подрывѣ, во чтобы то ни стало, довѣрія къ администраторамъ пресловутаго предпріятія.

При отправленіи Головина въ 1807 году въ первое кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Діана», ему начальство дало совѣтъ «заглянуть инкогнито» въ дѣла «Р—А. К^о»; передъ вторымъ же его плаваніемъ на фрегатѣ «Камчатка» въ 1817 году, онъ получилъ, по волѣ Императора Александра I, уже предписаніе—осмотрѣть компанейскія заселенія и ознакомиться съ порядками въ нихъ. Выполнивъ эти порученія, Головинъ представилъ двѣ записки, которыя, несмотря на видимое стремленіе автора быть объективнымъ, сильно смахиваютъ на прокурорскіе обвинительные акты. Пересказывать все содержаніе этихъ записокъ я не буду; ограничусь лишь существомъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ автора.

Предшественники приказчиковъ «Р—А. К^о», первые эксплуататоры природныхъ богатствъ дальняго сѣверо-востока, обосновали всю свою «комерцію» на принудительномъ мѣновомъ торгѣ съ мѣстными инородцами, заставляя послѣднихъ платить за русскіе товары неимовѣрно дорого: за ножъ или топоръ брали, напримѣръ, по нѣсколько бобровъ. Поначалу инородцы Алеутскихъ острововъ и побережья сѣверозападной Америки, не знавшіе до Кука (1778 г.) никого, кромѣ русскихъ, относились къ такому съ ними обращенію покорно. Но когда, послѣ плаванія Кука, въ тѣ же мѣста стали проникать англичане, инородцы прозрѣли, поняли, какъ жестоко ихъ эксплуатировали русскіе, озлобились на нихъ и изъ покорныхъ и мирныхъ обратились въ явныхъ враговъ, пока что безсильных, незнакомыхъ съ «культурнымъ» оружіемъ и «культурными» приемами борьбы. Приказчики «Р—А. К^о» ничуть не перемѣнили по-

литики своихъ предшественниковъ и не приложили никакихъ стараній къ улучшенію отношеній съ инородцами. Но въ тѣ времена инородцы уже располагали огнестрѣльнымъ оружіемъ, завезеннымъ къ нимъ гражданами сѣверо-американскихъ штатовъ, быстро освоились съ нимъ и нерѣдко брались за него, отстаивая свои человѣческія права. Происходившія повременно стычки далеко не всегда заканчивались торжествомъ дѣятелей «Р—А. К^о»; многіе поселки послѣдней и даже крѣпостцы уничтожались инородцами. При явной враждебности аборигеновъ края и при уtratѣ ими былой немощи, мѣншой торгъ постепенно началъ терять прежнюю прибыльность, а дѣятели К^о поневолѣ обратились къ другой тактикѣ—къ найму русскихъ и инородческихъ промышленниковъ, долженствовавшихъ добывать пушнину въ пользу нанимателей. А для того, чтобы тактика эта сопровождалась по старому «добрыми» барышами, наемниковъ эксплуатировали напропалую. Ихъ снабжали въ долгъ предметами первой необходимости, качества отвратительнаго, но по расцѣнкѣ прямо ростовщической, доводя, напримѣръ, цѣну пуда хлѣба до 10 руб.; а когда наступало время расчета за службу—оказывалось, что наемнику не причитается ни гроша: все слѣдующее жалованье шло въ уплату долга, а иногда его не хватало. Естественно, что при такихъ условіяхъ въ вольнонаемныхъ промышленникахъ численнаго преизбытка не было, и К^о принимала къ полученію низшихъ агентовъ мѣры экстраординарныя. Не говоря уже о вербовкѣ служащихъ съ завѣдомо ложными посулами, К^о не останавливалась даже передъ нарушеніемъ элементарныхъ обязанностей частнаго юридическаго лица по отношенію къ правительственнымъ органамъ, шедшимъ на встрѣчу ея нуждѣ. Такъ, бывали, по свидѣтельству Головина, случаи, когда «Р—А. К^о», получивъ въ Охотскѣ нѣсколько военныхъ матросовъ для провода судовъ въ Америку, силою задерживала ихъ для своихъ цѣлей, въ качествѣ рабочихъ на промыслахъ. Въ стремленіи повисить барыши, дѣятели «Р—А. К^о» доходили иногда до мѣръ прямо возмутительныхъ. Такъ, однажды, они *сожгли* въ Иркутскѣ нѣсколько тысячъ шкуръ морскихъ котиковъ единственно для того, чтобы поднять цѣны на пушнину. Если же къ этому прибавить, съ одной стороны, что на компанейскихъ промыслахъ не соблюдалось никакихъ правилъ рациональной охоты, что избивалось все, что избивать было возможно, и что приказчики гонялись болѣе за количествомъ шкуръ, чѣмъ за ихъ качествомъ, а съ другой, что инородцевъ спаивали, награждали ихъ опой и сифилисомъ, а то и просто выгоняли съ насиженныхъ

мѣсть, то станетъ ясно, какъ мало заботилась К^о о нуждахъ государственныхъ: щедрые дары природы расточались преступнымъ образомъ, богатые промысла обезцѣнивались, новыхъ подданныхъ Россійской державы настойчиво и систематически вели къ вырожденію и вымиранію. Характеренъ въ послѣднемъ отношеніи примѣръ Камчатки: къ семидесятымъ годамъ XVIII в. камчадаловъ насчитывалось свыше 20,000; по переписи же 1804 года ихъ оказалось, обоихъ половъ, только 1,200.

Слухи о жестокостяхъ и о вредоносной дѣятельности первыхъ приказчиковъ К^о дошли до Петербурга и стали извѣстны Императору Павлу I. По свидѣтельству Головина, Государь вначалѣ намѣревался уничтожить все дѣло, ненужное ни странѣ, ни народу; но тутъ были пущены въ ходъ всевозможныя ухищренія, и Павла Петровича убѣдили отказаться отъ его намѣренія. Однако, угроза, нависшая было надъ К^о, не образумила ея дѣятелей. Крузенштернъ, въ своемъ отчетѣ о кругосвѣтномъ плаваніи 1803—1806 гг. на кораблѣ «Надежда», не страшась «подпасть негодованію нѣкоторыхъ особъ», жестоко порицаетъ «убійственную» дѣятельность приказчиковъ «Р—А. К^о» ¹⁾.

Надѣлая «Р—А. К^о» всевозможными привилегіями и всячески способствуя операціямъ этого учрежденія, правительство наше, конечно, имѣло между прочимъ въ виду воспользоваться услугами К^о въ дѣлѣ снабженія нашихъ сѣверовосточныхъ владѣній и казенныхъ въ нихъ органовъ необходимыми запасами, коихъ на мѣстѣ достать было невозможно. Для того же, чтобы понять эту правительственную нужду, приходится сказать нѣсколько словъ о былыхъ условіяхъ жизни на побережьяхъ Охотскаго и Камчатскаго морей и о казенныхъ на нихъ учрежденіяхъ. Сказать эти нѣсколько словъ тѣмъ болѣе необходимо потому, что нужды далекой окраины вновь выдвинули на очередь вопросъ объ Амурѣ, т. е. вопросъ, составляющей коренную тему настоящаго очерка.

Вскорѣ послѣ водворенія русскаго владычества на сѣверовосточныхъ берегахъ Сибири и основанія Охотска, названный пунктъ получилъ наименованіе военнаго порта. Онъ сталъ военнымъ портомъ скорѣе по кличкѣ, чѣмъ по существу, ибо оборудованіе его какъ матеріальными, такъ и личными средствами было прямо ничтожнымъ. Все же кой какія портовыя сооруженія въ Охотскѣ имѣ-

¹⁾ Матеріалы по Восточн. океану. т. I, стр. 55, 75, 76, 92—96, 99, 100, 105, 109, 111, т. II, стр. 70—74, 119, т. III, стр. 1—4, 12—15, 53, 95, 137, 138, 157, 169, т. IV, стр. 68, 114, 134, 215, 217—219 и прилож. В.; Тихменевъ, стр. 36, 82, 98, 102—108, 132, 146, 150, 206, 208, 215, 220, 328.

лись; имѣлось и портовое управленіе; самый портъ приходилось снабжать всякими запасами, такъ какъ на мѣстѣ ни жизненныхъ, ни иныхъ припасовъ не было. Такое снабженіе производилось обычно по сухому пути—черезъ Иркутскъ, оттуда почтовымъ трактомъ на Якутскъ, далѣе на судахъ по Ленѣ и бичевою по Алдану, Маѣ и Нелькану, наконецъ, въ Охотскъ на вьюкахъ или на собакахъ по едва разработаннымъ тропамъ. Поселенія на Камчаткѣ и военно-морской постъ въ Петропавловскѣ снабжались уже изъ Охотска большею частью на судахъ приказчиковъ якутскихъ купцовъ, а иногда и на казенныхъ транспортахъ. Шли эти запасы крайне медленно, а перевозка стоила чрезвычайно дорого, почему цѣны на предметы первой необходимости стояли въ Охотскѣ и на Камчаткѣ на совершенно ненормальномъ уровнѣ, да и потребныхъ припасовъ всегда было крайне ограниченное количество. Такъ, въ зиму съ 1809 на 1810 годъ, команда военнаго шлюпа «Діана», зимовавшего въ Петропавловскѣ, получала лишь половину слѣдующаго провіанта; въ городскихъ магазинахъ пшеничная мука самаго низшаго сорта продавалась по 20 руб. за пудъ, масло—по 80 руб. за пудъ, фунтъ чая—10 руб., фунтъ сахара—4 руб., пудъ говядины—16 руб. и т. д. Повременно, но весьма нерегулярно, доставлялись припасы въ Охотскъ и Петропавловскъ также кругосвѣтнымъ путемъ изъ Кронштадта, иногда на казенныхъ судахъ, иногда на судахъ «Р—А. К^о», съ уплатою въ послѣднемъ случаѣ весьма дорогихъ фрахтовъ. «Р—А. К^о», какъ мы уже видѣли, всячески уклонялась отъ этой обязанности, а когда и брала на себя доставку въ Охотскъ казенныхъ грузовъ—не всегда довозила ихъ до мѣста. Компанейскія суда, предназначавшіяся для кругосвѣтныхъ экспедицій, покупались обыкновенно «по случаю» и съ соблюденіемъ всевозможной экономіи, почему далеко не отличались хорошими морскими качествами; они часто терпѣли аваріи, а въ такихъ случаяхъ командиры судовъ распродавали грузы за безцѣнокъ, гдѣ и кому попало. Такъ, въ 1822 г. корабль «Р—А. К^о» «Елизавета», даже не потерпѣвшій никакихъ особыхъ бѣдствій по стихійнымъ причинамъ, все же пришлось продать на сломъ по срединѣ пути—у мыса Доброй Надежды.

При такихъ условіяхъ, основная цѣль учрежденія въ Охотскѣ военнаго порта—образованіе опорной точки на берегахъ Тихаго океана для распространенія нашего вліянія на воды этого океана и для развитія русской морской торговли на востокъ—оказывалась очевидно недостижимой. Не говоря уже о томъ, что достиженію

сказанной цѣли препятствовала прежде всего невыгодность расположенія порта по географическимъ условіямъ—на далекомъ сѣверѣ, въ водахъ съ относительно короткимъ періодомъ навигаціи—въ военномъ портѣ, при обрисованномъ способѣ его снабженія, нельзя было содержать ни сколько нибудь серьезной по силѣ флотиліи, ни значительнаго гарнизона. Наши боевыя и охранныя средства были тамъ такъ слабы, что мы не могли обезпечить себѣ даже права собственности на територіальныя воды, не могли оберечь ихъ отъ появленія иностранныхъ хищниковъ, уничтожавшихъ въ этихъ водахъ, преимущественно у береговъ Камчатки, китовъ и другихъ цѣнныхъ морскихъ животныхъ. И положеніе съ теченіемъ времени скорѣе ухудшалось, чѣмъ улучшалось, хотя попытки къ увеличенію военной силы на Камчаткѣ все же дѣлались. Такъ, еще въ 1799 году въ Петропавловскѣ сформировали гарнизонный баталіонъ, крѣпостную артилерію и значительную казачью команду; но уже въ началѣ прошлаго вѣка, по невозможности сколько нибудь сносно продовольствовать такой гарнизонъ, баталіонъ былъ выведенъ внутрь Сибири, а команды артилеристовъ и казаковъ сократили въ нѣсколько разъ; на мѣстѣ оставили флотскую экипажную роту, небольшую артилерійскую команду и нѣсколько казаковъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка возникъ вопросъ о переносѣ Охотскаго порта въ Аянъ. Вопросъ этотъ поднялъ правитель помѣщавшейся въ Охотскѣ же факторіи «Р—А. К^о»—лейтенантъ В. С. Завойко, находившій пребываніе тамъ факторіи неудобнымъ по плохимъ морскимъ качествамъ бухты и не желавшій переносить на новое мѣсто только одну факторію, такъ какъ совмѣстное пребываніе въ одномъ пунктѣ и факторіи, и военного порта было во многихъ отношеніяхъ весьма для К^о выгоднымъ. Произведенная рекогносцировка Аяна, по крайней мѣрѣ по заключенію тогдашняго командира Охотскаго порта, капитана 1 р. Вонлярлярскаго, не дала данныхъ для предпочтенія этого пункта: путь на Якутскъ былъ отъ Аяна еще хуже, гавань была признана въ морскомъ отношеніи неудобной, въ водахъ у Аяна оказался недостатокъ въ рыбѣ, въ окрестностяхъ не нашлось пригоднаго для портовыхъ нуждъ лѣса и т. д. И все же Завойко факторію въ Аянъ перенесъ, получивъ при этомъ права «администратора» въ новомъ пунктѣ съ производствомъ въ капитаны 2 ранга. А такъ какъ такой переносъ оказался въ матеріальномъ отношеніи для К^о весьма убыточнымъ и убыточнымъ не столько по причинѣ производства затратъ на устройство новыхъ сооруженій, сколько по необходимости увеличенія

компанейскихъ судовыхъ и вообще портовыхъ средствъ, а также судовыхъ командъ (въ Охотскѣ К^о пользовалась казенными портовыми средствами), то К^о, вѣрнѣе ея петербургское правленіе, занялось взмысливаніемъ значенія Аяна и въ концѣ концовъ добилось рѣшенія обратить Аянъ до извѣстной степени въ казенное учрежденіе подѣ нѣсколько своеобразной формулировкой мѣропріятія: указомъ 6-го сентября 1846 года, Аянской факторіи было присвоено наименованіе Аянскаго порта «Р—А. К^о» съ тѣмъ, чтобы начальниками новаго порта назначались исключительно штаб-офицеры морской службы.

Расчеты «Р—А. К^о» не замедлили оправдаться: въ Аянѣ—въ компанейскомъ порту—стали появляться казенныя учрежденія и команды. Въ дѣлахъ морского министерства того времени находимъ справку, гласящую, что «по распоряженію генераль-губернатора Восточной Сибири, предназначено устроить въ Аянскомъ порту различныя зданія и *въ томъ числѣ* для морского вѣдомства»; Невельской же утверждаетъ, что *всѣ* необходимыя К^о портовыя сооруженія были устроены въ Аянѣ за счетъ казны. Впрочемъ, послѣднее утвержденіе врядъ ли не преувеличено: посѣтившій Аянъ, при своемъ путешествіи въ Камчатку, Муравьевъ доносилъ Великому Князю Константину Николаевичу, что многія оборудованія порта произведены уже распоряженіемъ и на средства «Р—А. К^о».

Для устраненія невыгодъ расположенія Аянскаго порта въ отношеніи его снабженія со стороны Иркутска, были приняты мѣры къ улучшенію сообщенія съ Якутскомъ. По мысли Завойка, приступили къ устройству почтоваго тракта на Нельканъ и къ принудительному заселенію этого тракта, не ожидая его готовности, русскими раскольниками. Однако, изъ такой мѣры ничего хорошаго не вышло: удобнаго тракта не создали, а громадное большинство переселенцевъ перемерло отъ цынги. Сухопутное сообщеніе съ Аяномъ осталось по прежнему крайне затруднительнымъ.

Послѣ обращенія Аяна въ полуказенный портъ спеціального назначенія, Муравьевымъ былъ поднятъ вопросъ объ упраздненіи военнаго порта въ Охотскѣ и объ учрежденіи такового въ Петропавловскѣ. Въ представленіи своемъ по этому поводу на имя управлявшаго морскимъ министерствомъ, Великаго Князя Константина Николаевича, отъ 23-го ноября 1849 г., онъ указывалъ, что о необходимости отказаться отъ Охотска, какъ военнаго порта, мѣстныя власти хлопотали еще съ 1736 года, что иностранныя суда, въ изобиліи плавающія по Охотскому морю, никогда не заходятъ

въ этотъ портъ, «который считаютъ *опаснымъ мѣстомъ въ морскомъ отношеніи*» (курс. подл.), что тѣ же неудобства порта признаются и нашими моряками, что всѣ портовые устройства, какъ то оказалось при личномъ осмотрѣ генераль губернаторомъ Охотска, близки къ разрушенію по ветхости, наконецъ, что въ Охотскѣ свирѣпствуетъ и никогда не прекращается злѣйшая цынга. Все это показываетъ, что военный портъ слѣдуетъ изъ Охотска вывести и вывести именно въ Авачинскую губу, которая «при малѣйшей перемѣнѣ отношеній нашихъ съ морскими державами можетъ быть безвозвратно у насъ отнята однимъ плюпомъ и шхуною». Соединеніе же морскихъ средствъ Охотска и Петропавловска въ одномъ пунктѣ, несмотря на ихъ малочисленность, все же позволить намъ «защитить Авачинскую губу, извѣстную въ цѣломъ мірѣ, а вмѣстѣ съ нею и Камчатку, отъ покоренія нѣсколькими корсарами».

Представленіе это было утверждено Государемъ, самый Охотскій портъ былъ упраздненъ указомъ 2-го декабря того же года, городъ Охотскъ былъ причисленъ къ Якутской области, была образована новая область—Камчатская, и военнымъ губернаторомъ въ нее былъ назначенъ капитанъ 1 ранга Завойко.

Проектируя учрежденіе въ Петропавловскѣ военнаго порта, знаменитый администраторъ Восточной Сибири не могъ не озаботиться и о соотвѣтственномъ укрѣпленіи этого пункта. Онъ всегда считалъ Петропавловскъ находящимся въ угрожаемомъ положеніи со стороны иностранцевъ, лично убѣдился, что въ навигацію 1849 г. у береговъ Камчатки оперировало около 250 китобоевъ, преимущественно судовъ большого ранга и съ многочисленными экипажами, находилъ необходимымъ пресѣчь такое самовольное хозяйничанье чужеземцевъ въ нашихъ водахъ и не могъ не опасаться, что мѣры въ послѣднемъ направленіи могутъ завершиться конфликтомъ съ Англіей и Америкой. По этому его планъ укрѣпленія Петропавловска и оборудованія порта въ военно-морскомъ отношеніи не могъ отличаться да и не отличался чрезмѣрной скромностью.

По полученіи въ Петербургѣ предположеній Муравьева, такія были переданы на разсмотрѣніе комитета министровъ. На бумагѣ комитетъ отнесся къ дѣлу серьезно и поручилъ министрамъ военному и морскому войти въ подробное обсужденіе общаго вопроса объ усиленіи военныхъ средствъ на Камчаткѣ. Но фактически въ петербургскихъ сферахъ предположенія генераль губернатора были встрѣчены далеко не сочувственно; по крайней мѣрѣ, пріятель Муравьева, министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Шеровскій,

писалъ ему по поводу укрѣпленія Петропавловска, что «это названо Государемъ мечтою, другими лицами фантазіей и почти всѣми приписано пылкости вашего воображенія». При такомъ же углу зрѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, по общему вопросу было принято частное и при томъ весьма скромное рѣшеніе: «на первый случай» ограничиться усиленіемъ обороны собственно Петропавловской губы земляными батареями и имѣть такую же батарею у входа въ Авачинскую губу, снабдивъ послѣднюю блокгаузомъ и сигнальною мачтою. Муравьеву, «фантазировавшему» объ устройствѣ изъ Авачинской губы безопаснаго внутренняго воднаго плеса, защищеннаго при входѣ въ него постоянными береговыми укрѣпленіями на 300 тяжелыхъ орудій, и получившему уже афронтъ за широту своихъ замысловъ, оставалось со сказаннымъ рѣшеніемъ лишь согласиться, присовокупивъ къ этому соображенію о желательности выполнения работъ по укрѣпленію Петропавловска распоряженіемъ и средствами морского вѣдомства, «поелику въ Петропавловскомъ портѣ нѣтъ другихъ командъ и начальства, кромѣ морского, и надзоръ за такими другого вѣдомства былъ бы слишкомъ отдаленъ». На это и послѣдовала Высочайшая санкція въ началѣ 1851 года ¹⁾).

Затруднительность сухопутнаго сообщенія съ побережьями Охотскаго и Камчатскаго морей, а также неудобства имѣвшихся тамъ портовъ по ихъ географическому положенію, давно уже служили основаніями для повременнаго возвращенія къ вопросу объ Амурѣ, какъ къ пути для снабженія сказанныхъ портовъ и какъ къ рѣкѣ, въ устьѣ которой можно было бы основать портъ, много болѣе соотвѣтственный нашимъ интересамъ на Тихомъ океанѣ. Но къ вопросу этому возвращались безъ отвѣчающей его важности настойчивости, и причинами тому являлись, съ одной стороны, опасенія нарушить добрососѣдскія отношенія съ Китаемъ и нанести тѣмъ ущербъ кяхтинской торговлѣ, съ другой—значительная сбивчивость понятій о значеніи амурскаго пути и о доступности входа въ рѣку со стороны моря.

¹⁾ Морской Архивъ, Канцелярія, № 10194, лл. 1—6, 13 и 55, № 11136, л. 13, № 11878, л. 19; Инженерный архивъ, № 48—1851 г. Инж. Д-га, отд. 1, ст. 3; Первое Полн. Собр. Зак., № 20403; Матеріалы по Вост. ок., т. II, стр. 3, 9, 120, 121; Невельской, стр. 39, 45—48; Тихменевъ, т. I, стр. 336 и т. II, стр. 10, 18, 20, 24, 28, 30; Ив. Барсуковъ «графъ Ник. Ник. Муравьевъ Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатаннымъ источникамъ», Москва 1891 года, ч. 1, стр. 266.

Чуть ли не первую по времени картою, на которой р. Амуръ была нанесена до известной степени правильно и которая оказалась впоследствии болѣе вѣрной, чѣмъ позднѣйшія, надо считать карту Крашенинникова, изданную въ 1752 году. На ней Сахалинъ былъ изображенъ въ видѣ острова, противоположащаго устьямъ Амура и отдѣленнаго отъ материка неширокимъ проливомъ. Къ сожалѣнію, указаній глубинъ этого пролива и фарватеровъ на картѣ не имѣлось, почему самая карта не давала достаточнаго матеріала для сужденія о значеніи устьевъ рѣки въ смыслѣ возможности устройства тамъ морского порта. Надо полагать, именно это обстоятельство легло въ основу рѣшенія сената оставить безъ послѣдствій проектъ сибирскаго губернатора Мятлева, относившійся къ 1753 году и содержавшій въ себѣ мысль о крайней желательности войти въ сношенія съ Китаемъ касательно разрѣшенія плаванія русскимъ судамъ по Амуру для доставки провіанта изъ Забайкалья въ Удскъ, Охотскъ, Гижигу, Большерѣцкъ, Тигиль и Нижнекамчатскъ. Такое предположеніе основываю на томъ, что Екатерина II, ознакомившись съ проектомъ Мятлева, признала необходимымъ прежде всего изслѣдовать вопросъ о доступности Амура съ моря и повелѣла въ 1775 году основать для сей цѣли русскіе поселки по Амгуни, поближе къ устью Амура, исподволь ознакомиться съ этимъ устьемъ и занять таковое, буде результаты ознакомленія окажутся благоприятными. Однако, замыслы мудрой правительницы Россіи не осуществились: о нихъ провѣдали въ Китаѣ, и русскому правительству былъ посланъ «листь», полный всяческихъ угрозъ, главою изъ которыхъ являлась угроза перерыва торговыхъ сношеній черезъ Кяхту. За невозможностью опереться въ этомъ дѣлѣ на вооруженную силу, которой въ Восточной Сибири не было, проектъ Мятлева былъ и второй разъ оставленъ безъ послѣдствій; нашимъ же промышленникамъ, подвизавшимся на сѣверѣ Тихаго океана, дано наставленіе, дабы они отнюдь «съ китайцами не заводили о владѣніи споровъ».

Между тѣмъ, въ 1786 году у Татарскаго пролива появляется съ юга известный мореплаватель Лаперузъ, а въ 1793 году—не менѣе известный Броутонъ. Оба свидѣтельствуютъ, что Сахалинъ—полуостровъ и что устья Амура съ моря недоступны. Проникшій въ 1805 году въ сѣверную часть Татарскаго пролива нашъ морякъ—капитанъ Крузенштернъ не только подтверждаетъ свидѣтельства своихъ предшественниковъ, но и заявляетъ категорически, что Амуръ никакимъ полезнымъ цѣлямъ служить не можетъ.

Недоступность рѣки съ моря онъ считаетъ очевидной и пренебрегаетъ даже задачею болѣе тщательнаго изслѣдованія Татарскаго пролива. Отказъ отъ такой задачи онъ мотивируетъ, съ одной стороны, тѣмъ, «дабы не возбудить въ китайцахъ подозрѣнія и не подать черезъ то повода къ разрыву выгодной для Россіи кяхтинской торговли», съ другой—дошедшими до него слухами, будто въ устьяхъ Амура сосредоточена сильная китайская военная флотилія съ экипажемъ въ 4,000 человекъ.

Слѣдствіемъ небрежности изслѣдованій знаменитыхъ мореплавателей. явилось изданіе ряда картъ съ изображеніемъ Сахалина полуостровомъ. Эти карты побудили наши правительственныя сферы махнуть на Амуръ рукою. Да и къ чему Россіи рѣка, признанная такими авторитетами, какъ Лаперузъ, Броутонъ и Крузенштернъ, непригодною къ качествѣ коммуникаціи между Забайкальемъ и Камчаткой, рѣка, въ устьяхъ которой, по свидѣтельству тѣхъ же авторитетовъ, объ устройствѣ болѣе южнаго тихоокеанскаго порта и мечтать нельзя? Пренебреженіе къ Амуру доходитъ до того, что у насъ не только не протестуютъ противъ появленія новыхъ иностранныхъ картъ съ обозначеніемъ нашей границы *въ неразграниченномъ районѣ* по линіи верховья Уди—Тугурская губа, но даже перепечатываютъ такія карты, чѣмъ какъ бы закрѣпляютъ за Китаемъ принадлежность ему низовій великой рѣки! Заботятся только о преусиженіи кяхтинской торговли и объ осторожности обращенія съ китайскими чиновниками, доводя такія заботы до разрѣшенія «Р.-А. К^о» торговать со всеміи народами, кромѣ народа китайской имперіи, «къ берегамъ которой суда компаніи отнюдь не должны приставать».

Но, не взирая на такую политику нашего правительства, амурскій вопросъ все таки не замираетъ окончательно. Въ 1816 году о немъ вновь заговорилъ въ печати нѣкій Шемелинъ, и его починъ не остался безъ отклика. Вновь нарождается сомнѣніе о значеніи Амура, и мореплавателю Литке, отправившемуся въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпкѣ «Сенявинъ» въ 1826 году, поручается изслѣдованіе западнаго побережья Сахалина и пути до Удскаго острова. По обширности программы, предназначенной для его плаванія, Литке въ эти края не попалъ; но мисію его до нѣкоторой степени исполнилъ около того же времени бѣглый ссыльный Гурій Васильевъ, попавшій въ плѣнъ къ манчжурамъ, бѣжавшій отъ нихъ по Амуру, скитавшійся близъ устьевъ рѣки и показавшій затѣмъ на допросѣ у сибирскихъ властей, что «въ продолженіи плаванія

по губѣ Амурской большой островъ всегда видѣнь былъ верстахъ въ шестидесяти отъ материка на востокъ». Такія же свѣдѣнія и тогда же привезъ сибирскому начальству и штурманскій офицеръ Козьминъ, состоявшій на службѣ «Р.-А. К^о» и изслѣдовавшій Удскій край. Козьминъ, повидимому со словъ туземцевъ, утверждалъ категорически, что морское сообщеніе съ Амуромъ вполне возможно.

Въ 1828 году, подъ вліяніемъ приведенныхъ показаній и на основаніи данныхъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ купеческихъ конторъ, сибирскій губернаторъ Лавинскій вновь возбуждаетъ вопросъ о плаваніи русскихъ судовъ по Амуру, а въ 1832 году пишетъ записку, въ которой указываетъ, что Амуръ глубокъ и судоходенъ, что инородцы, живущіе по берегамъ этой рѣки ни отъ кого не зависимы, что часть обывателей Якутска свободно торгуетъ по Селимджѣ и по Буреѣ и что при такихъ обстоятельствахъ снаряженіе на Амуръ особой правительственной экспедиціи представляется и своевременнымъ, и соотвѣтственнымъ интересамъ вѣреннаго ему края. Однако, министерство иностранныхъ дѣлъ предположеніе Лавинскаго отвергло; мотивомъ же такого отклоненія послужило все то же опасеніе за ущербъ кяхтинской торговлѣ.

Когда ходатайства высшаго сибирскаго начальства стали извѣстны Императору Николаю I, вопросъ сразу перешелъ въ иной фазисъ: въ соотвѣтствіе со-взглядами на Амуръ своей августѣйшей бабки, Государь не усмотрѣлъ въ рѣшеніи министерства иностранныхъ дѣлъ особой государственной мудрости, и мысль о водвореніи на берегахъ Амура русскаго владычества не представилась Монарху неприемлемой. Но предварительнаго принятія кореннаго рѣшенія стародавняго вопроса, Николай Павловичъ призналъ совершенно необходимымъ разобраться въ концѣ концовъ вполне точно въ морскомъ значеніи устьевъ рѣки.

Хотя наша дипломатическая канцелярія и отрицала на бумагѣ наличность значенія Амура, какъ водной комуникаціи, все же имѣются признаки, указывающіе, что сочинители соотвѣтственныхъ справокъ не слишкомъ вѣрили въ то, что сами писали. Приходилъ ли имъ на память фактъ изъ временъ давнопрошедшихъ, фактъ совершенія Поярковымъ плаванія на парусныхъ судахъ изъ Амура къ побережью Охотскаго моря, либо просто соображеніе о сугубой странности такого явленія природы, по которому могучая, многоводная и быстрая рѣка упирается въ тупикъ, либо, наконецъ, наличность секретныхъ свѣдѣній, державшихся подъ спудомъ въ

видахъ сохраненія, во что бы то ни стало, дружескихъ отношеній съ Китаемъ, что именно—неизвѣстно, но только мысль объ Амурѣ гнѣздилась и въ умахъ заправиль нашей дипломатіи. Одновременно созданъ и планъ: подарить Россіи Амуръ непосредственнымъ вліяніемъ на Китай только одной петербургской дипломатіи, и соотвѣтственная инструкція, инструкція отъ всѣхъ секретная, летитъ въ 1840 году къ приставу пекинской духовной мисіи Любимову. Но планъ этотъ, покоившійся на стремленіи достигнуть эффектнаго разрѣшенія вѣкового вопроса и поднять престижъ дипломатической канцеляріи, рухнулъ также скоро, какъ возникъ, а результатомъ такого хитросплетенія явился лишь рядъ тяжеловѣсныхъ тормазовъ, систематически подкладывавшихся тою же канцеляріею подъ колесницу амурскаго вопроса въ дальнѣйшемъ его теченіи. Мысль эта не принадлежитъ пишущему настоящія строки: ея передается существо письма графа Муравьева-Амурскаго къ директору азіатскаго департамента, Е. П. Ковалевскому, адресованнаго къ послѣднему уже послѣ заключенія Айгунскаго трактата, письма высоколюбопытнаго содержанія, которое будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ почти полностью.

Послѣ принятія Императоромъ Николаемъ I рѣшенія точно разобратъ въ морскомъ значеніи устьевъ Амура, наступилъ періодъ составленія для этого различныхъ предположеній. По началу были набросаны весьма широкіе планы; но постепенно, подъ вліяніемъ осѣкшихся въ своей авантюрѣ дипломатическихъ сферъ, изобрѣтавшихъ всевозможныя препятствія подъ флагомъ «политическихъ и экономическихъ видовъ», планы эти все суживались и суживались и свелись къ предложенію предсѣдателю правленія «Р.-А. К^о», барону Врангелю, организовать для сказанной цѣли небольшую экспедицію средствами К^о, но за счетъ казны, организовать ее по возможности безъ огласки и даже въ тайнѣ отъ акціонеровъ предпріятія. Въ Высочайше утвержденной инструкціи командиру судна, долженствовавшаго направиться къ устьямъ Амура, между прочимъ, говорилось:

„Главная цѣль ваша заключается въ тщательномъ изслѣдованіи устья рѣки Амура, о которомъ существуетъ мнѣніе, что входъ въ него отъ наносныхъ песковъ не только затруднителенъ, но и невозможенъ для самыхъ даже мелкосидящихъ шлюпокъ, т. е. что рѣка какъ бы теряется въ пескахъ. Для удостовѣренія этого повелѣвается: 1) судно имѣетъ избрать на сѣверѣ удобный для якорной стоянки пунктъ, ближайшій къ устью рѣки, и изъ него производить на гребныхъ судахъ изслѣдованіе. 2) Въ случаѣ спора китайцевъ: зачѣмъ пришло судно? отвѣчать, что бури, вѣтры и теченія нечаянно его сюда занесли. 3) Людямъ, отпра-

леннымъ на гребныхъ судахъ, говорить, что приплыли они около рѣки наловить рыбы. 4) Ласкать и одарять туземцевъ; на случай же непрязнен-ныхъ съ ихъ стороны намѣреній, гребнымъ судамъ держаться по воз-можности соединенно такъ, чтобы они могли взаимно помогать другъ другу. 5) Флагъ имѣть какой либо разноцвѣтный, чтобы китайцы не могли подозрѣвать, что судно русское и чтобы черезъ это не подать повода къ какимъ либо съ ихъ стороны на насъ неудовольствіямъ, ибо правитель-ство желаетъ сохранить съ ними тѣсную дружбу. 6) Описать лиманъ рѣки Амура, *заливъ* (курс. мой) между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ и соосѣдственный съ лиманомъ юго-восточный берегъ Охотскаго моря, до Удской губы. Для соображенія же, при описи этого послѣдняго берега, прилагается карта онаго, составленная академикомъ Миддендорфомъ, а равно и карта пути съ этого берега въ Забайкалье. 7) Донесеніе о дѣй-ствіяхъ своихъ, а равно журналы и карты отправить изъ Аяна на имя предсѣдателя главнаго правленія компаніи, барона Врангеля“. На подлинной инструкціи собственноручная приписка Императора Николая I: „Принять всѣ мѣры, чтобы паче всего удостовѣриться, могутъ ли войти суда въ рѣку Амуръ: ибо въ этомъ и заключается весь вопросъ важный для Россіи“.

Правленіе «Р.-А. К^о» отнеслось къ предложенію правитель-ства со всевозможною показною готовностью, предназначило для экспедиціи небольшой бригъ «Константинъ» и опредѣлило коман-диромъ послѣдняго состоявшаго на службѣ К^о штурманскаго под-поручика Гаврилова. По свидѣтельству Невельскаго, это былъ мо-рякъ опытный, но больной и потому недостаточно энергичный; къ тому же компанейское начальство напугало его наличіемъ въ устьѣ Амура значительной китайской военной силы, напугало тайною предпріятія и связало ему руки приказаніемъ вернуться къ мѣсту отправления судна въ ту же навигацію и съ такимъ расчетомъ, что-бы имѣть еще запасъ времени для снабженія провіантомъ компа-нейскихъ промышленниковъ на различныхъ Курильскихъ островахъ. Бригъ «Константинъ» отплылъ изъ Новоархангельска въ началѣ навигаціи 1846 года, прибылъ въ Аянъ лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ и на-правился къ Татарскому проливу только 20-го числа. По кратко-сти времени, по мизерности средствъ и по причинѣ неблагопріят-ныхъ условій погоды, результаты экспедиціи Гаврилова не оказа-лись особенно цѣнными. По существу своему они сводились къ тому, что входъ въ амурскій лиманъ съ сѣвера прегражденъ под-водною банкою съ глубиною мѣста, не болѣе 5 футовъ, что самое устье рѣки отдѣляется отъ взморья также банкою, лежащею отъ поверхности воды на 1¹/₂—3¹/₂ фута, и что къ югу отъ устья рас-положена непрерывная, между материкомъ и Сахалиномъ, мель, какъ бы перешеекъ. Въ общемъ, согласно свидѣтельству Тихме-нева, «по изслѣдованію Амура и лимана оказалось, что входъ въ

рѣку для парусныхъ судовъ вовсе невозможенъ». Другими словами, изслѣдованія Гаврилова были произведены столь же поверхностно, какъ и изслѣдованія Лаперуза, Броутона и Крузенштерна, и единственно цѣннымъ сообщеніемъ этого офицера явилось утвержденіе, что въ устьѣ рѣки никакихъ китайскихъ военныхъ силъ не имѣется и что вообще районъ устьевъ является собою почти пустыню съ весьма рѣдкими поселками ни отъ кого не зависящихъ гиляковъ. Совпаденіе же данныхъ Гаврилова съ данными знаменитыхъ мореплавателей не могло не повліять компрометирующимъ образомъ на свидѣтельства такихъ малыхъ величинъ, какъ Козьминъ или бродяга Гурій Васильевъ, и все это, въ цѣлокупности, повело къ резолюціи Царя на докладѣ о недоступности Амура съ моря: *«Весьма сожалею. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ бесполезной, оставить»*.

До этого времени, какъ мы видѣли, наше правительство, постоянно лелѣя мысль о завладѣніи устьями Амура и о полученіи права пользованія рѣкою какъ комуникаціею, систематически отклоняло предложенія Китая о разграниченіи районовъ низовья рѣки, выжидая особо благоприятныхъ къ тому обстоятельствъ. Но тутъ политика наша круто повернула въ другую сторону, и въ 1847 г. правительство само рѣшило пойти на встрѣчу китайскимъ пожеланіямъ. Мало того: не ожидая результатовъ сношеній по этому поводу, въ 1848 году была снаряжена особая разграничительная экспедиція во главѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Ахте, причемъ намѣчалась даже заранѣе и будущая граница—по пути слѣдованія академика Миддендорфа, отъ Тугурской губы по южному склону Станового хребта. По счастью, экспедиція эта, прибывшая въ Иркутскъ въ іюнь 1849 года, когда генераль-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ путешествовалъ по Камчаткѣ, была задержана въ названномъ городѣ, задержана по распоряженію самого Муравьева и впредь до его возвращенія въ Иркутскъ. Далѣе, его же властью, она была обращена къ иной задачѣ—къ обслѣдованію рѣки Амура и сопредѣльныхъ съ нею земель, къ задачѣ тѣмъ болѣе важной потому, что, по признанію нашего генеральнаго штаба, въ то время карты Восточной Сибири вообще сильно грѣшили противъ истины, а въ особенности между рѣкой Горбицей и Охотскимъ моремъ, гдѣ «все показанное на картахъ... не заслуживаетъ довѣрія». Этимъ вредная экспедиція была обращена въ полезную, и главная ея польза выразилась въ томъ, что ею была установлена ошибочность взгляда нашего министер-

ства иностранныхъ дѣлъ, будто берега нижняго Амура фактически принадлежали въ то время Китаю.

Хорошо понимая какими печальными для интересовъ Сибири послѣдствіями могла завершиться первоначальная мисія Ахте, ясно сознавая, что высшая государственная власть разрѣшила такую постановку дѣла исключительно по причинѣ грустной увѣренности въ недоступности Амура съ моря и стремясь пролить возможно ясный свѣтъ на вопросъ первостепенной важности, вопросъ не новый, но все же сомнительно освѣщенный, Муравьевъ, собственною властью, отправилъ въ 1848 году на устья Амура экспедицію Ваганова. Но незадачливость для насъ амурскаго вопроса и тутъ осталась таковою же: Вагановъ пропалъ безъ вѣсти, и всѣ мѣры къ его разысканію не привели ни къ чему ¹⁾).

Экспедиція Ахте, пребывающая въ Иркутскѣ, неудача экспедиціи Ваганова, виды и стремленія нашей дипломатіи—все это клонилось къ роковому и тяжкому рѣшенію большого вопроса. Но тутъ выступаетъ на сцену блестящій помощникъ знаменитаго графа Муравьева-Амурскаго, выступаетъ на сцену человѣкъ болѣе, чѣмъ незаурядный—капитанъ-лейтенантъ Невельской.

Генадій Ивановичъ Невельской, дворянинъ Костромской губерніи, родился 25-го ноября 1813 года, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ офицерскихъ при немъ (классахъ (нынѣшняя Николаевская морская академія), послѣ чего, съ 1836 года, плавалъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ европейскихъ моряхъ, нерѣдко на одномъ кораблѣ съ Августѣйшимъ морякомъ, съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, хорошо узнавшимъ своего сослуживца и не замедлившимъ оцѣнить его по достоинству. Въ декабрѣ 1847 года Невельской, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ назначенъ командиромъ строившагося военнаго транспорта «Байкаль», который предназначался для совершенія кругосвѣтнаго плаванія съ цѣлью доставки провіанта и другихъ припасовъ въ Петропавловскъ и Охотскъ.

Но прежде нежели говорить о дальнѣйшей дѣятельности Невельского, нельзя не остановиться на его личности. Къ сожалѣнію, данныя для характеристики личности Генадія Ивановича, да

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, разр. I—9, № 6—69, лл. 499—503 и № 11—68, л. 28; Морск. арх., канц., № 1387, лл. 2—10; 1 Полн. собр. зак., №№ 16,709 и 28,756; Невельской, стр. 23—29, 31, 33, 43, 44, 47, 50, 51, 55, 56; онъ же въ «Вѣстн. Европы» 1872 г. № 8, стр. 908; Тихменевъ, т. II, стр. 40—44, 47, 48, 55; Назаровъ, стр. 60; Барсуковъ, т. I, стр. 318.

и то скудныя, найдены только въ «Дневникѣ» П. В. Буссе; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Буссе въ данномъ случаѣ не можетъ разсматриваться, какъ авторъ безпристрастный: въ личныя его отношенія къ Невельскому, какъ увидимъ, были замѣшаны многіе спецефическіе интересы.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, т. е. когда Невельскому было около сорока лѣтъ отъ роду, Буссе писалъ о немъ:

„Маленькаго роста, сухощавый господинъ въ старомъ сюртукѣ съ штабъ-офицерскими эполетами... Невельской имѣть не совсѣмъ красивую наружность. Маленькій ростъ, худощавое морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина съ выключенными вокругъ съ просѣдью волосами и небольшіе сѣрые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ, даютъ ему пожилой и дряхлый видъ. Но широкій лобъ и живость глазъ высказываютъ въ немъ энергію и горячность характера“¹⁾.

Такимъ образомъ, по Буссе, Невельской имѣлъ невзрачную наружность; но и этотъ авторъ не могъ не отмѣтить въ немъ признаковъ человѣка весьма энергичнаго. Въ произведеніяхъ другихъ сослуживцевъ Генадія Ивановича, эта послѣдняя черта выступаетъ уже гораздо рѣзче, а въ нѣкоторыхъ строкахъ ихъ, вѣрнѣе между строкъ, сквозитъ преклоненіе не только передъ энергичностью, но и передъ обаятельностью личности достойнаго моряка. Если же прослѣдить за дѣятельностью Невельскаго шагъ за шагомъ, прослѣдить за нею, опираясь на источники, чуждые какой либо предвзятости и не оставляющіе никакихъ сомнѣній въ фактической вѣрности показаній, то физически «маленькаго роста сухощавый господинъ» возрастетъ до гиганта въ духовномъ отношеніи.

Встрѣчаются люди, и ихъ не такъ уже мало, которые боятся причинить своей родинѣ какой либо вредъ. Такіе люди безспорно достойны уваженія. Но появляются отъ поры до времени патріоты другого порядка, порядка высшаго, которые боятся *не* причинить отчизнѣ всей пользы, могущей быть извлеченной изъ выгодно слагающейся обстановки, хотя бы и вразрѣзъ порядку службы, хотя бы и наперекоръ предначертаніямъ начальства. Человѣкомъ именно такого закала былъ Невельской. Въ своихъ стремленіяхъ принести пользу отечеству онъ не останавливался ни передъ чѣмъ: онъ подчинялъ себѣ лицъ, ему не подчиненныхъ; онъ властно приказывалъ тѣмъ, кто не обязанъ былъ слушать его приказаній; онъ зачастую дѣлалъ именно то, что строжайше запрещалось ему отъ лица высшей власти; онъ безстрашно относился къ суду чиновнаго міра, па-

¹⁾ «Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг.». Дневникъ П. В. Буссе. Спб., 1872 г., стр. 5.

мятуня о судѣ выстемъ—о судѣ родины и нелицепріятныхъ грядущихъ поколѣній. Личные интересы, личный комфортъ, даже личные семейныя дѣла у него всегда были на третьемъ планѣ. И все это мы увидимъ съ читателемъ воочію изъ послѣдующихъ строкъ, въ которыхъ авторъ чурался какой либо тенденціозности, по крайней мѣрѣ стремился къ такому чуранію.

Итакъ, въ декабрѣ 1847 года Невельской былъ назначенъ командиромъ военного транспорта «Байкаль», назначеніе котораго заключалось въ доставкѣ запасовъ въ Петропавлоскъ и Охотскъ. А такъ какъ въ то время вновь назначенный генераль-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ находился въ Петербургѣ, то командиру «Байкала» вѣльно было представиться генералу и доложить соображенія по части выполнения возложеннаго на него порученія.

Но *прямое* порученіе не особенно занимало Невельского, стремившагося на востокъ съ совершенно другою цѣлью. Заинтересованный болѣе важнымъ вопросомъ—вопросомъ амурскимъ, изучившій этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ и скептически относившійся къ изслѣдованіямъ устья Амура всею плеядою нашихъ и иностранныхъ мореплавателей, онъ началъ свою бесѣду съ Муравьевымъ фразою: «неужели такая огромная рѣка, какъ Амуръ, не могла проложить себѣ выхода въ море и теряется въ пескахъ?», а закончилъ ходатайствомъ о порученіи ему вновь изслѣдовать устья Амура. Угадавъ въ собесѣдникѣ челоуѣка исключительной энергіи, будучи и самъ въ высокой степени заинтересованнымъ тѣмъ же амурскимъ вопросомъ, Муравьевъ отнесся къ ходатайству вполне сочувственно и, не теряя времени, ознакомилъ съ мыслью Невельского какъ начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, такъ и министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго. Къ сожалѣнію, этимъ ознакомленіемъ поначалу дѣло и ограничилось, такъ какъ Муравьевъ торопился къ мѣсту своего назначенія и вскорѣ отбылъ изъ Петербурга.

Князь Меншиковъ взглянулъ на «затѣю» своего подчиненнаго глазами несимпста. Не обошлось тутъ и безъ вліянія государственнаго канцлера, графа Карла Васильевича Нессельроде, упорно считавшаго, что оба берега Амура, на всемъ его протяженіи, принадлежатъ по Нерчинскому трактату Китаю, и полагавшаго, что возбуждать амурскій вопросъ несвоевременно и въ дипломатическомъ отношеніи вредно. Вызвавъ къ себѣ Невельского, кн. Меншиковъ объяснилъ ему всѣ неудобства предположенія, указавъ на совер-

шенную необходимость точнаго исполненія прямой задачи «Байкала» и на невозможность преслѣдовать одновременно побочныя цѣли, невозможность—хотя бы за недостаткомъ времени: «Дай Богъ, чтобы вы пришли въ Петропавловскъ къ осени 1849 года».

Какъ было сказано, «Байкаль» въ то время еще находился въ постройкѣ на одной изъ верфей Гельсингфорса. По контракту, онъ долженъ былъ прибыть въ Кронштадтъ осенью 1848 года, тамъ погрузиться съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей, установленныхъ для казенныхъ грузовъ, и затѣмъ двинуться въ путь мимо мыса Горна. Удобнаго для плаванія времени дѣйствительно оставалось немного, и посему Невельской, не возражая кн. Меншикову, приложилъ всевозможныя старанія къ ускоренію своего выхода изъ Кронштадта. Прежде всего онъ направился въ Гельсингфорсъ. Тамъ, дѣйствуя, не безъ нѣкоторой доли лукавства, на самолюбіе строителей транспорта, онъ уговорилъ ихъ закончить постройку судна на 1½ мѣсяца ранѣе контрактнаго срока, а добившись формальнаго съ ихъ стороны обязательства въ этомъ смыслѣ, возвратился въ Петербургъ и обратилъ всю свою энергію на воздѣйствіе на морское интендантство въ отношеніи быстрѣйшаго заготовленія казенныхъ грузовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, по началу онъ встрѣтилъ весьма неблагоприятное къ себѣ отношеніе со стороны морскихъ чиновниковъ, и отношеніе это вскорѣ стало граничить съ явнымъ противодѣйствіемъ стараніямъ рачительнаго командира судна; но въ дѣло вмѣшался, по настойчивой просьбѣ Невельского, самъ кн. Меншиковъ, приказавшій безпрекословно исполнять всѣ требованія командира «Байкала», клонившіяся къ ускоренію выхода судна, и разрѣшившій принять на транспортъ всѣ грузы въ упакованныхъ тюкахъ и за пломбами интендантства. Чѣмъ съ командира снималась отвѣтственность за качество предметовъ и чѣмъ достигалась возможность избѣжанія проволочекъ во времени на освидѣтельствованіе товаровъ при погрузкѣ и выгрузкѣ. Кораблестроительный же департаментъ, въ которомъ Невельской поднялъ цѣлую бурю, быстро измѣнилъ начальную тактику, написалъ своимъ агентамъ, во что-бы то ни стало, изготовить всѣ грузы къ 10-му іюля 1848 года, т. е. къ условленному дню прибытія «Байкала» изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ, а для успѣшности такой заготовки разрѣшилъ покупать потребныя для Петропавловска и Охотска предметы отъ частныхъ лицъ и «по вольной цѣнѣ», не ожидая изготовленія таковыхъ на казенныхъ заводахъ. Добившись всего этого, Невельской вновь обращается {къ своей

сокровенной мысли и пишетъ въ Сибирь Муравьеву длинное письмо, полное соображеній о возможности изслѣдовать устья Амура въ навигацію 1849 года и о вѣроятности достиженія при этомъ благопріятныхъ результатовъ. Свое посланіе онъ заканчиваетъ соображеніемъ, что, конечно, ему было бы гораздо легче отвезти грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, чѣмъ брать на себя столь трудную работу, да еще на такомъ маленькомъ суднѣ, какъ «Байкаль», лишенномъ необходимыхъ для изысканій средствъ; «но, постигая всю важность изслѣдованій для отечества и сомнѣваясь въ безошибочности заключенія знаменитыхъ мореплавателей объ этой странѣ», онъ просилъ Муравьева принять участіе въ его дѣлѣ и не оставить его письмо безъ отвѣта.

Муравьевъ не замедлилъ откликомъ и вновь обратился къ князю Меншикову со старымъ ходатайствомъ и съ просьбою назначить Невельского, по прибытіи «Байкала» въ сибирскія воды, въ его, генераль-губернатора, распоряженіе. Меншиковъ же, выслушавъ докладъ настойчиваго моряка о быстромъ ходѣ снаряженія транспорта, о возможности прибытія въ Петропавловскъ не осенью, а весною, въ маѣ, и о соотвѣтственности использованія лѣтняго времени для изысканій въ Татарскомъ проливѣ, сталъ склоняться въ пользу предложенія Невельского и соображеній Муравьева. Повидимому, князь былъ недалекъ отъ рѣшенія дать командиру «Байкала» соотвѣтственное предписаніе; но рѣшимость его была вновь поколеблена бесѣдою съ гр. Нессельроде, весьма упорно указывавшимъ на Высочайшее повелѣніе — разъ навсегда покончить съ амурскимъ вопросомъ — и на опасность вторженія русской экспедиціи въ районы, несомнѣнно-де подвластные Китаю. Невельской ушелъ отъ своего начальника ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ, амурскій вопросъ сталъ въ петербургскихъ высшихъ сферахъ до извѣстной степени моднымъ, о немъ заговорили на разные лады, сочиняли даже проекты овладѣнія устьями рѣки, конкурируя въ хитроумности способовъ и изобрѣтая всяческіе презервативы противъ появленія тамъ же англичанъ. Въ числѣ такихъ проектовъ циркулировалъ неизвѣстно кому принадлежавшій, основная мысль котораго заключалась въ поселеніи на лѣвомъ берегу Амура, у его устья, русско-подданныхъ буряты и тунгусовъ. Тогда гр. Нессельроде выступилъ съ двумя, уже официальными, записками, въ которыхъ весьма пространно доказывалъ принадлежность лѣваго берега Амура Китаю и настаивалъ на несвоевременности какихъ либо шаговъ по амурскому вопросу. Коснувшись мысли о

поселеніи въ тѣхъ краяхъ нашихъ бурятъ и тунгусовъ, онъ писалъ, что на первый взглядъ такая мѣра «въ политическомъ отношеніи представляется какъ бы болѣе возможной тѣмъ, что *избавляетъ правительство отъ видимаго участія, отъ дѣйствій открытыхъ*» (курс. мой). Но тутъ, помимо опасности столкновеній съ китайцами, на лицо и рядъ другихъ неудобствъ: трудно водворить инородцевъ съ ихъ стадами на далекой окраинѣ, пользуясь для того огромнаго протяженія сухопутной дорогой, почти вовсе неразработанной; инородцы сами «возопіютъ» противъ насильственнаго ихъ выселенія съ насиженныхъ мѣстъ; обитатели низовьевъ Амура—гиляки, несомнѣнно, останутся недовольными вторженіемъ въ ихъ края пришельцевъ, примутъ таковыхъ враждебно, а затѣмъ обратятся и въ нашихъ враговъ. Такой же исходъ болѣе, нежели нежелателенъ; наоборотъ: единственно цѣлесообразною нашею политикою на устьяхъ Амура явилось бы стремленіе именно къ установленію дружескихъ связей съ гиляками. «Хотя появленіе англійскихъ пароходовъ у острова Сахалина и занятіе англичанами сего острова представляется пока дѣломъ довольно сомнительнымъ», но, изъ предосторожности, является-де возможнымъ отряжать въ тѣ воды для крейсерства одно военное судно изъ Охотска, или, что еще лучше, крейсерство можетъ быть учреждено изъ Аяна средствами и распоряженіемъ «Р.-А. К^о». Вообще, самымъ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса оказалось бы возложеніе всѣхъ заботъ по распространенію русскаго вліянія на низовьяхъ Амура именно на «Р.-А. К^о», «дабы скрыть отъ иностранцевъ всякое правительственное въ этомъ предпріятіи участіе». Не забылъ при этомъ гр. Нессельроде и о Невельскомъ, настойчивость и энергія котораго весьма не нравились государственному канцлеру. Пожалуй не будетъ нятяжкой предположеніе, что самая мысль о привлеченіи къ амурскому дѣлу «Р.-А. К^о» родилась на почвѣ стремленія нашей дипломатіи устранить со сцены не въ мѣру ретиваго военнаго моряка. По крайней мѣрѣ, гр. Нессельроде указывалъ, что придуманный имъ выходъ изъ затруднительныхъ политическихъ обстоятельствъ окончательно не согласуется съ посылкой на Амуръ Невельскаго, а столь бережно охраняемая имъ тайна русскихъ вожделѣній перестанетъ быть таковою, «когда бригъ Императорскаго флота будетъ показываться у береговъ Сахалина и устьевъ Амура».

Настало лѣто. «Байкаль» пришелъ въ Кронштадтъ. Погрузка судна была совершена съ невиданной до того акуратностью и быстротою. Въ августѣ транспортъ былъ готовъ къ выходу въ море.

Передь оставленіемъ Кронштадта Невельской явился къ кн. Меншикову по обязанностямъ службы и опять настойчиво просилъ разрѣшенія «побывать въ лиманѣ р. Амуре, въ который его официально занесутъ и свѣжіе вѣтры и теченія, постоянно господствующіе въ этихъ мѣстахъ, какъ пишетъ Крузенштернъ». Князь повторилъ свой отказъ и мотивировалъ его тѣмъ, что гр. Нессельроде не рѣшается докладывать дѣла Царю, «особливо нынѣ, когда *рѣшено уже*, что эти мѣста *должны* принадлежать Китаю» (курс. мой). Такъ вся затѣя клонилась къ нулю; но тутъ выступили, въ качествѣ противовѣса гр. Нессельроде, братья Перовскіе—политическіе единомышленники кн. Меншикова—и убѣдили послѣдняго взять на свой рискъ и отвѣтственность полезное для родины дѣло, снабдивъ Невельского соотвѣтственной инструкціей.

Не безъ величайшей осторожности и предусмотрительности въ области дальнѣйшей своей отвѣтственности отнесся кн. Меншиковъ къ проекту предварительной инструкціи командиру «Байкала», инструкціи отъ своего имени, подлежащей передачѣ готовому къ выходу въ море Невельскому безотлагательно и долженствовавшей быть облеченной впоследствии въ болѣе опредѣленную форму для поднесенія ея на утвержденіе верховною властью. Онъ вовсе вычеркнулъ изъ нея имя собственное Амуръ и собственно ручно замѣнилъ соотвѣтственный абзацъ инструкціи фразою: «осмотрѣть юговосточный берегъ Охотскаго моря между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены пли усмотрѣны прежними мореплавателями», а въ словесныхъ переговорахъ по вопросу объ изслѣдованіи морскихъ доступовъ въ устье рѣки вначалѣ категорично говорилъ «нѣтъ и нѣтъ» и угрожалъ строгой отвѣтственностью за нарушеніе такого приказанія и, только прощаясь съ Невельскимъ, обронилъ какъ бы случайно уклончивое напутствіе: «Впрочемъ, если подобный осмотръ будетъ произведенъ случайно, безъ какихъ либо несчастій, т. е. безъ потери людей или судна и безъ упушенія возложеннаго на васъ порученія... то, можетъ быть, обойдется и благополучно». Невельскому только это и требовалось: онъ ощутилъ свои руки развязанными ¹⁾.

21-го августа 1848 года транспортъ «Байкаль», съ командою въ 42 нижнихъ чина при четырехъ, не считая командира, флотскихъ и двухъ штурманскихъ офицерахъ и при лекарѣ, покинулъ рейдъ

¹⁾ Государ. Арх., Аз. Д-тъ № 11/68, ч. I, лл. 2—6, 8, 15; Морск. Арх. канц., № 9122, л. 34 и № 10. 190, л. 41; Невельской, стр. 58—69; Буссе, стр. 5; Бошнякъ въ «Морск. Сборн.» 1859 г., № 2 стр. 339—342, Барсуковъ, т. I, стр. 181.

Кронштадта, 15-го ноября достигъ Рио-Женейро, 2-го января перерѣзалъ меридіанъ мыса Горна, 2-го февраля былъ въ Вальпорайзо, Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣтилъ на Сандвичевыхъ островахъ, 12-го мая, въ снѣжную пургу, вошелъ въ Авачинскую губу и на слѣдующій день ошвартовался у пристани въ Петропавловскѣ. Больныхъ въ командѣ не было, всѣ были бодры духомъ; въ рапортѣ кн. Меншикову Невельской свидѣтельствовалъ о прекрасной службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ Петропавловскѣ нашли на имя командира «Байкала» письмо отъ генераль-губернатора Восточной Сибири, который приказывалъ весь грузъ, предназначенный для Охотска, сдать на пребывавшій въ порту транспортъ «Иртышъ» и далъ Невельскому особую секретную инструкцію относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Сдача охотскаго груза на «Иртышъ» явилась актомъ самоличнаго распоряженія Муравьева; при отправленіи «Байкала» изъ Петербурга мѣра эта не была предусмотрѣна: Невельскому было предложено, по сдачѣ петропавловскаго груза въ этомъ порту, идти въ Охотское море, къ юговосточнымъ его берегамъ, и плаваніе это разсчитать такимъ образомъ, чтобы «прибыть благовременно въ Охотскій портъ осенью 1849 года». Какъ видно изъ письма Муравьева къ кн. Меншикову отъ 14-го апрѣля, сказанное распоряженіе онъ сдѣлалъ, «не имѣя увѣренности, что транспортъ «Байкалъ» прибудетъ благовременно въ Камчатку, ибо другія кругосвѣтныя суда приходили туда только въ августѣ»; затѣмъ, несомнѣнно, имъ руководила и мысль освободить Невельского отъ обязанности срочнаго прихода въ Охотскъ, отъ обязанности, которая не могла не стѣснить его во времени и не отразиться на тщательности изслѣдованія устья Амура. Въ секретной же инструкціи Муравьева, между прочимъ, читаемъ: «По общему здѣсь мнѣнію, островъ Сахалинъ запираетъ выходъ изъ р. Амура... положительно, однако, никто этого не знаетъ». Это мнѣніе и предполагалось провѣрить, при чемъ указывалось на соотвѣтственность, на случай встрѣчи въ морѣ съ иностранцами, объявлять имъ, что наши суда нерѣдко посѣщаютъ Сахалинъ и Татарскій проливъ, ибо сѣверную часть Сахалина и лѣвый берегъ Амура русскіе считаютъ своими. Тутъ же присовокуплялось, для личнаго свѣдѣнія Невельского, что по всѣмъ имѣющимся даннымъ сѣверная часть Сахалина принадлежитъ Китаю, а южная Японіи.

Пересылая Невельскому сказанную инструкцію, Муравьевъ предупредалъ его, что на такуюю онъ не долженъ смотрѣть, какъ на

предписание: это лишь копія съ проекта инструкціи, посланнаго на утверждение въ Петербургъ. Въстѣ съ симъ, сообщалось, что присылка уже утвержденной инструкціи ожидается со дня на день и тотчасъ будетъ вручена командиру «Байкала». Но Невельской не принадлежалъ къ числу людей, покорныхъ «установленному порядку», и тамъ, гдѣ онъ понималъ пользу родины и дѣла ясно и опредѣленно, грядущая отвѣтственность его не страшила. Не ожидая законной инструкціи, онъ отдалъ 30-го мая швартовы, распустилъ паруса и направился къ восточному берегу Сахалина. Законная инструкція, посланная на востокъ въ трехъ экземплярахъ, передовой изъ которыхъ оказался въ рукахъ ближайшаго сотрудника Муравьева по сибирскимъ дѣламъ и его родственника—маіора Корсакова, направлявшагося въ Петропавловскъ черезъ Охотскъ, уже не застала Невельского въ Петропавловскѣ; не отыскалъ его и самъ Муравьевъ, пустившійся для того въ море изъ Охотска въ началѣ іюля на транспортѣ «Иртышъ»; вручена была инструкція по назначенію лашъ 3-го сентября, въ Аянѣ, когда мисію свою Невельской уже выполнилъ.

Оставимъ на время Невельского въ открытомъ морѣ и перенесемся въ Петербургъ, гдѣ шель оживленный обмѣнъ мыслей по амурскому вопросу, ставшему злободневнымъ къ большой досадѣ нашей дипломатіи.

Въ тѣ времена высшія петербургскія сферы рѣзко раздѣлялись на два политическихъ лагеря. Къ одному лагерю, во главѣ котораго стояли графъ К. В. Нессельроде, министръ финансовъ Бронченко и гр. В. Н. Панинъ, принадлежали лица, тяготѣвшія къ западу и къ политикѣ Макиавелли и Меттерниха; другой лагерь преслѣдовалъ національную, самобытную, чисто русскую политику и имѣлъ во главѣ кн. А. С. Меншикова, его сотрудника по войнѣ 1828 года гр. В. А. Перовскаго, министра внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскаго и генераль-адъютанта гр. П. Д. Киселева. По возбужденіи Муравьевымъ и Невельскимъ забытаго было амурскаго вопроса, весь лагерь гр. Нессельроде тотчасъ же обратился не только въ противниковъ этого вопроса, но и во враговъ къ его вчинателю — къ восточно сибирскому генераль губернатору. Это ясно проглядывало въ различныхъ мѣропріятіяхъ правительства еще въ самое первое время нахожденія Муравьева въ Сибири; это продолжалось и впослѣдствіи. Такъ, при назначеніи экспедиціи Ахте, о которой уже было упомянуто, таковой, по настоянію гр. Нессельроде, положительно воспрещено было приближаться къ

Амуру»; когда ту же экспедицію Муравьевъ, въ заботахъ о насущнѣйшихъ интересахъ Сибири, задержалъ въ Иркутскѣ—Вронченко, а съ его голоса и военный министръ кн. Чернышевъ затрубили на весь Петербургъ о нарушеніи Муравьевымъ Высочайшей воли и добились доклада этого инцидента, по министерству иностранныхъ дѣлъ, Императору Николаю Павловичу, который, однако, приказалъ «оставить дѣло до прибытія въ Петербургъ ген.-лейт. Муравьева»; по поводу той же экспедиціи Муравьевъ высказывалъ взглядъ, и взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчалъ дѣйствительности, что мысль о посылкѣ Ахте родилась на почвѣ стремленія провалить амурскій вопросъ: «смѣю думать—писалъ онъ въ 1849 году Л. А. Перовскому—что и самая экспедиція г. Ахте пущена для того, чтобы задѣть китайцевъ, чтобы они жаловались и чтобы можно было доложить Государю, какъ опасно задѣвать ихъ на этомъ пунктѣ». Отъ лицъ начальствующихъ то же отношеніе къ дѣлу и къ дѣятелямъ переходило къ подчиненнымъ, и не было преувеличенія въ сѣтованіи Муравьева брату, что азіатскій департаментъ «признаетъ генераль губернатора Восточной Сибири рѣшительно владѣтельною властью, кроется отъ него во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и скрываетъ отъ него все то, что дѣлается въ Китаѣ». Сѣтованіе это заканчивалось словами: «Департаменты горный и азіатскій, кажется, заключили между собою союзъ и объявили меня въ осадномъ положеніи».

Въ январѣ 1849 года Муравьевъ представилъ правительству особую записку о необходимости занятія устьевъ Амура, въ которой поставилъ на первый планъ упорно носившіеся по Сибири слухи о намѣреніи англичанъ занять эти устья «для вящшаго и полного обладанія торговлею въ Китаѣ». Разсуждая по этому поводу, онъ, между прочимъ, присалъ: «По соображеніи на мѣстѣ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, могу сказать, что кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью, по крайней мѣрѣ до Байкала, и владѣть прочно: ибо достаточно имѣть устье этой рѣки и плаваніе оной подъ ключемъ, чтобы Сибирь, и болѣе населенная и цвѣтущая земледѣліемъ и промышленностью, осталась неизмѣнною данницею и подданною той державы, у которой будетъ этотъ ключъ». Далѣе онъ указывалъ, что сколько нибудь отвѣчающаго потребности снабженія Камчатки «народонаселеніемъ, припасами и военными способами» по пути на Охотскъ и Аянъ никогда не было и быть не можетъ, тогда какъ Амуромъ изъ Забайкалья въ Камчатку можно перевозить все необходимое,

при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Нерчинскъ будетъ отдѣленъ отъ Петропавловска всего двухнедѣльнымъ путемъ. Указывалъ онъ и на важность обладанія нами Амуромъ въ смыслѣ поддержанія нашего вліянія на Китай и развитія русской торговли съ Манчжуріей, конечно, при условіи предоставленія плаванія по Амуру только русскимъ и китайскимъ судамъ.

Когда эта записка стала извѣстной въ петербургскихъ сферахъ, сторонники политики гр. Нессельроде, отчаявшіеся въ возможности погасить разговоры объ Амурѣ, прибѣгли къ иной тактикѣ: по соображенію о якобы настоятельной необходимости соблюдать въ дѣлѣ особенную, чрезвычайную осторожность, они старались свести всѣ затѣи Муравьева къ установленію только сближенія съ гиляками, безъ вмѣшательства въ это дѣло сибирской администраціи, а въ особенности военного элемента. Опять пошли толки о воспрещеніи Невельскому приближаться къ Амуру, а генераль-адъютантъ графъ Бергъ подалъ 25-го января 1849 года гр. Нессельроде письменное заявленіе, въ которомъ указывалъ на соотвѣтственность направленія на мѣсто, для завязки сношеній съ гиляками, не кого либо изъ военныхъ, а академика Миддендорфа.

Поскольку можно судить изъ сохранившихся документовъ, помянутая выше записка Муравьева, въ связи съ отношеніемъ къ ней правительственныхъ лицъ и учреждений, послужила основаніемъ къ учрежденію 29-го января 1849 года особаго «Амурскаго комитета», постоянными членами котораго были назначены: гр. Нессельроде, кн. Чернышевъ, кн. Меншиковъ, гр. Л. Перовскій и гр. О. Бергъ, и комитетъ, въ день своего учрежденія, имѣлъ сужденія по нижеслѣдующимъ вопросамъ, одновременно возбужденнымъ высшимъ начальствомъ Восточной Сибири: 1) «о мѣрахъ предупрежденія всякихъ со стороны иностранцевъ происковъ въ мѣстахъ, прилегающихъ къ устью Амура»; 2) объ инструкціи Невельскому; 3) объ изслѣдованіи района Пріамурья отъ р. Горбицы до Охотскаго моря; 4) о рекогносцировкѣ р. Амура (признанной министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вредною, по сопряженности ея съ плаваніемъ рѣкою, что «едва ли, при всѣхъ мѣрахъ осторожности, можетъ быть скрыто отъ подозрительнаго вниманія китайцевъ»); 5) объ учрежденіи крейсера близъ устья Амура и Сахалина.

Комитетъ нашель, что «главное и существенное для насъ дѣло *есть предупрежденіе всякихъ покушеній иностранцевъ къ занятію мѣстности близъ устья Амура*» (курс. подл.). Для этого преи-

мущественное вниманіе должно-де быть обращено на населяющихъ сказанную мѣстность гиляковъ, сношеніе съ коими слѣдуетъ предоставить «Р—А. К^о», чѣмъ «устраняется явное участіе правительства въ семъ дѣлѣ, и все можетъ быть учинено безъ шума и лишнихъ толковъ». Невельскому надлежитъ поручить избрать пунктъ, который долженъ опредѣлиться «степенью возможности имѣть, такъ сказать, въ своихъ рукахъ входъ въ Амуръ и выходъ изъ него», но непременно «*въ такихъ мѣстахъ, занятіе коихъ не могло бы подать повода къ непріятнымъ съ Китаемъ столкновеніямъ*» (курс. подл.). Поставить Невельскому «въ непремѣнную обязанность, чтобы при таковыхъ изслѣдованіяхъ поступалъ съ крайнею осторожностью, и въ такихъ случаяхъ, когда ему доведется быть въ сношеніяхъ съ туземцами, обращался съ ними сколь возможно ласково, избѣгая всякихъ непріятныхъ столкновеній и всего того, что могло бы ихъ встревожить». Его же, Невельского, обязать придавать своимъ изслѣдованіямъ «какой либо благовидный предлогъ, скрывая настоящую цѣль оныхъ и держа все дѣло въ величайшемъ секретѣ». Изслѣдованіе края отъ р. Горбицы до Охотскаго моря пока отложить, какъ отложить и рекогносцировку Амура. «могущую встревожить китайцевъ и подать поводъ къ непріятнымъ съ ними объясненіямъ». Учрежденіе крейсерства у устья Амура и Сахалина признать «рановременнымъ».

Постановленіе это было утверждено Государемъ Императоромъ.

Препровождая журналъ комитета для соотвѣтственныхъ распоряженій кн. А. С. Меншикову, гр. Нессельроде писалъ:

„Не сочтете ли также полезнымъ, для успѣха предпріятія, предписать ему (Невельскому), чтобы принялъ по возможности какія либо мѣры къ сокрытію отъ туземцевъ, въ мѣстахъ, гдѣ будетъ производить свои изслѣдованія, что судно, на которомъ онъ приплываетъ въ тѣ мѣста, есть военное русское судно. А затѣмъ, при осмотрѣ самыхъ мѣстъ, съ цѣлью отыскать выгодный пунктъ для занятія—кромѣ обстоятельствъ, указанныхъ въ журналѣ комитета—обратили бы также вниманіе на обитающія близъ избраннаго пункта племена: желательно въ этомъ отношеніи, чтобы и со стороны туземцевъ не могло впослѣдствіи выйти какого либо препятствія къ занятію нами избраннаго мѣста“.

Ближайшимъ результатомъ постановленія Амурскаго комитета и сношенія по этому поводу гр. Нессельроде съ кн. Меншиковымъ явилось «утвержденіе въ установленномъ порядкѣ» инструкции Невельскому, въ которой командиру «Байкала» поручалось, между прочимъ, при встрѣчѣ съ иностранцами, объявлять, что материкъ къ сѣверу отъ Амура составляетъ русское владѣніе, инструкции,

какъ видно, не отличавшейся по существу отъ проектной инструкціи Муравьева. Затѣмъ, гр. Нессельроде сообщилъ рѣшеніе комитета и правленію «Р—А. К^о», причѣмъ просилъ о снаряженіи, распоряженіемъ К^о, экспедиціи въ землю гиляковъ, присовокупляя, что вопросъ о томъ, «какимъ образомъ должна быть отправлена сія экспедиція и вообще подробности исполненія совершенно зависятъ отъ усмотрѣнія «Р—А. К^о»; но во всякомъ случаѣ «дѣло сіе должно подлежать особой тайнѣ». Кстати отмѣчу, что усиленные хлопоты нашей дипломатіи о сохраненіи въ глубочайшей тайнѣ предположеній правительства относительно Амура не отвѣчали не только существу дѣла, но и фактической обстановкѣ: изъ цѣлой серіи писемъ подполковника Ахте на имя одного изъ высшихъ чиновниковъ азіатскаго департамента (Н. И. Любимова) усматривается, что по всей Сибири уже съ 1848 года громко и не стѣсняясь говорили о предстоящей правительственной экспедиціи для завладѣнія устьями Амура ¹⁾.

Внимательно изучая приведенные документы, нельзя не усмотрѣть значительнаго давленія на Амурскій комитетъ со стороны канцлера гр. Нессельроде. Чрезмѣрная осторожность, скажу болѣе—робость рѣшенія, уснащеніе сужденій всевозможными дипломатическими «туманными пятнами», половинчатость самого рѣшенія и достаточная его неопредѣленность—все это являло собою характерныя черты политики послѣдователя Макиавелли. Что макиавелизма, коварства, тутъ было не мало—въ этомъ сомнѣваться не приходится. Если припомнить тогдашнее положеніе Китая, сильно потрепаннаго въ войну съ англичанами 1840—1842 гг., ставшаго ареной весьма серьезныхъ внутреннихъ смуть и находившагося чуть ли не наканунѣ государственнаго переворота, Китая, не имѣвшаго тогда никакого подобія съ державами, могущими мечтать о воздѣйствіи на сосѣдей силою оружія, Китая, не располагавшаго никакими шансами для расчета на поддержку со стороны европейскихъ державъ или Америки; если принять во вниманіе, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ повидимому ни сколько не опасалось вмѣшательства иностранцевъ въ наши дѣла съ Китаемъ, что характернѣе всего выразилось въ предписаніи Невельскому объявлять имъ о принадлежности лѣваго берега Амура Рос-

¹⁾ Государ. Арх., Ав. Д-тъ, № 11—68, ч. I, лл. 43, 45, 63—67, 70, 71, 81—86, 89—96, 107—115; Морск. Арх., Канц., № 10190, лл. 1—7, 11, 25—28, 36, 37, 71, 72; Барсуковъ, т. I, стр. 173, 195, 198, 201, 215, 216, 229, 272 и т. II, стр. 47, 48; Невельской, стр. 71—73, 77, 90.

сіи, какъ о фактъ положительномъ и не допускающемъ никакихъ возраженій; если учесть такую политическую обстановку и связанное съ нею отсутствіе какой либо серьезной потребности хитрить и идти зигзагами по прямой дорогѣ, проложенной для насъ и существомъ Нерчинскаго трактата, и особо выгоднымъ стеченіемъ обстоятельствъ—то невольно рождается вопросъ: какая затаенная мысль крылась въ настояніяхъ нессельродовской дипломатіи ставить амурскій вопросъ вверхъ ногами? И отвѣтъ самъ напрашивается: вся дальневосточная политика гр. Нессельроде клонилась къ созданію тормазовъ въ дѣлѣ полученія нами Амура, въ дѣлѣ акта, неудавшагося передъ тѣмъ самому министерству иностранныхъ дѣлъ. Такое соображеніе, совершенно аналогичное со взглядами на вещи современника событій и главнаго дѣйствующаго лица— Н. Н. Муравьева, подтверждается дальнѣйшею дѣятельностью той же дипломатіи въ области рѣшенія амурскаго вопроса. Подтверждается оно и тѣмъ мелочнымъ, но весьма характернымъ фактомъ, что блестящіе результаты первой экспедиціи Невельского, возбудившіе ликованіе заинтересованныхъ въ дѣлѣ истинно-русскихъ людей, породили въ нашей дипломатіи не только неудовольствіе, но и озлобленность противъ героя экспедиціи: по свидѣтельству Невельского, первымъ слѣдствіемъ его открытій явилось требованіе гр. Нессельроде привлечь къ отвѣтственности виновника конечнаго успѣха дѣла за его уходъ изъ Петропавловска безъ «законной» инструкціи, за поступокъ «дерзкій и подлежащій наказанію», и это не взирая на то, что ко времени прибытія Невельского въ Татарскій проливъ уже существовала вполне «законная» инструкція, совершенно аналогичная съ имѣвшейся у него инструкціей «беззаконной», и что «законная» инструкція, ея «дубликатъ» и даже «трипликатъ» давно считалась по дальнему востоку въ поискахъ адресата.

Считаю долгомъ сдѣлать тутъ же оговорку.

Дѣло въ томъ, что свидѣтельство о настояніяхъ гр. Нессельроде примѣрно наказать Невельского за самовольный уходъ къ устью Амура, какъ и приводимое ниже удостовѣреніе о требованіи того же лица разжаловать Невельского въ солдаты за основаніе въ 1850 году поста въ Николаевскѣ на Амурѣ, заимствованы мною изъ посмертнаго труда самого Генадія Ивановича. Несмотря на всяческія старанія, документовъ официальныхъ по этимъ инцидентамъ не удалось найти ни въ одномъ изъ архивовъ. Но не имѣется никакихъ основаній и для того, чтобы относиться къ свидѣтельствамъ Невельского недоувѣрчиво. До сей поры въ средѣ нашихъ

моряковъ распространено устное преданіе, по существу совершенно точно совпадающее съ показаніями самого Невельского и отличающееся отъ послѣднихъ развѣ только большею рѣзкостью характеристики «выпадовъ» гр. Нессельроде. И это преданіе исходить изъ устъ сотоварищей Невельского по морской службѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, изъ устъ почтенныхъ адмираловъ, имена которыхъ запечатлѣны на скрыжальяхъ исторіи нашего флота, ему вѣрить потомство, и ему присущи всѣ признаки истиннаго историческаго происшествія.

Г. Тимченко-Рубанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

